
W III
233

2007099101

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ
И
НИЖЕГОРОДСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ
МИНИНЪ.

Гражданинъ Мининъ убѣждаетъ Князя Пожарскаго принять начальство надъ ратію собранною въ Нижнемъ Новгородѣ для спасенія Москвы и отечества отъ враговъ

Князь Пожарскiй и Нижегородскiй гражданинъ Материнъ

или

Освобожденiе Москвы въ 1612 году.

Историческое сказанiе XVII вѣка.

Въ двухъ частяхъ.

Изданiе 2-е безъ перемѣнъ.

Часть первая.

МОСКВА.
Въ типографiи Степановой.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15 марта 1852 г.

Цензоръ Д. Ржевской.

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ
И
МИНИНЪ.

Россія, эта священная колыбель великихъ мужей, прославившихся своими доблестями въ поздиемъ потомствѣ, этотъ вертоградъ славы, добродѣтелей, истиннаго благочестія, о которомъ само благое Провидѣніе искони печется о благосостояніи—представляетъ не только для насъ, Русскихъ, но и для всѣхъ обитателей пространной Европы, рядъ происшествій, сколько важныхъ, столько и назидатель-

ныхъ!... Развернувъ нашу отечественную исторію—*эту священную книгу народовъ*, какъ сказалъ покойный исторіографъ нашъ, Карамзинъ,—кто не найдетъ въ ней неисчерпаемаго источника разительныхъ примѣровъ вѣры и доблестей гражданскихъ, духа истинно-народнаго, неизмѣннаго, преданнаго къ Творцу, къ Особѣ Царя, къ отечеству.

Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ (1). Итакъ, каждый, кто-бъ ни читалъ нашу исторію, увидитъ, отъ самаго возрожденія государства русскаго, отъ временъ суровости и дикости нравовъ, подданныхъ Рюрика, Олега, до временъ среднихъ и даже самыхъ позднѣйшихъ, рядъ событій важныхъ, великихъ, достопримѣчательнѣйшихъ, увидитъ гигантскій духъ Русскихъ, ихъ твердость характе-

ровъ, ихъ доблести и любовь къ отечеству, какъ во времена его бѣдственнаго состоянія, такъ равно и во времена благоденствія и счастія, проистекающія подъ скиптромъ миролюбивыхъ монарховъ, пекущихся единственно о благѣ своихъ подданныхъ.

Россія, это нынѣшнее міръ-государство, видѣла въ предѣлахъ своихъ событія чудесныя, перемѣны важныя. Отъ перваго своего князя, Варяго-Русса, Рюрика, до великаго князя Владиміра, введшаго христіанскую вѣру, она была однимъ цѣлымъ, недѣлимымъ политическимъ тѣломъ. Князья: 'Олегъ, Игорь, Святославъ и Владиміръ быстро увеличили ее своими побѣдами, вознесли ее наверхъ славы. Но когда Россія раздѣлилась на части и возросла въ ней гибельная удѣльная система, тогда она представила позорище печальное, горестное! Князья: Борисъ и

Глѣбъ, сыновья великаго князя Владиміра, содѣлались жертвами властолюбія: они убиты братомъ своимъ Святополкомъ. Ярославъ сдѣлался мстителемъ и возсталъ на Святополка. Междоусобныя войны удѣльныхъ князей привлекли на Россію Татаръ. «*Русская земля начала работати Татарамъ*», говорятъ наши лѣтописи. Это иго, это бѣдственное состояніе, это продолжительное рабство продолжалось болѣе двухъ столѣтій. Ханы возводили на престолъ великокняжескій кого хотѣли изъ князей русскихъ; повсюду распространялись убійства, опустошенія, грабежи. Но явился герой—великій князь Димитрій IV Іоановичъ, проименованный *Донскимъ*. Его подвиги положили униженіе гордости Татаръ, а Провидѣніе, пекущееся о счастіи Россіи, совершенно избавило ее отъ ига восточнаго при Іоаннѣ III Васильевичѣ. Его внукъ, Іоаннъ IV, *Грозный*, разрушилъ царства: Казанское и Астраханское и укро-

тилъ мятежъ Новгорода. Россія содѣлалась великою и сильною: многіе страшились ея могущества и искали союза съ Іоанномъ IV. Но послѣ него, въ 1584 году, вступилъ на престолъ его сынъ Өеодоръ Іоанновичъ, государь миролюбивый, слабый и, по словамъ одного писателя «бывшій тѣнію царя». При немъ царство русское снова постигли несчастія. *Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ*, царедворецъ хитрый, гордый, корыстолюбивый, сдѣлавшійся родственникомъ царя Өеодора Іоанновича, видя его слабость въ правленіи и желая какими-бы-то ни было путями достигнуть вѣнца Мономахова, рѣшился принести кровавую жертву своему чрезмѣрному честолюбію. По его проискамъ и его клевретами — страшными, ужасными, былъ умерщвленъ братъ царя, малолѣтный царевичъ *Димитрій*, со смертію котораго прекратился домъ Рюрика. Мать убіеннаго въ Угличѣ Димитрія, царица

Марія, по повелѣнію Годунова, была пострижена въ монашество. Кормило правленія, слабымъ, довѣрчивымъ царемъ Θеодоромъ, было ввѣрено страшному честолюбцу Годунову, которому кончина Θеодора Іоанновича, случившаяся 7-го января 1598 года, открыла новый путь къ коварнымъ замысламъ. Все благопріятствовало честолюбцу! Царица *Ирина Θеодоровна*, родная сестра Годунова, вдовствующая супруга умершаго царя Θеодора, торжественно отреклась отъ сего міра, оставила престолъ и все земное величіе, и удалилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ вступила въ санъ инокинь подъ именемъ *Александры*. Хитрый Борисъ, втайнѣ этому радуясь, принялъ на себя личину смиренія и заключился въ келліи съ царицею. Онъ зналъ, что это поразитъ Москву. Духовенство, бояре и граждане московскіе собрались въ Кремль и положили: возложить вѣнецъ Мономаховъ на

главу Бориса Өеодоровича Годунова. Искусство скрывать алчное честолюбіе подъ личиною скромности было хорошо-извѣстно тому честолюбцу; почему онъ, услышавъ о своемъ избраніи, показался изумленнымъ и долго отрекался отъ короны. Но, наконецъ, какъ бы убѣжденный мольбами духовенства и просьбами бояръ, воинства и всего народа, принялъ оную февраля 22-го 1598 г. Въ первые годы царствованія Борисъ Өеодоровичъ, своими попеченіями о благѣ Россіи, явилъ себя достойнымъ престола. Онъ войну *съ Кази-Гиреемъ*, крымскимъ ханомъ, предупредилъ миромъ. Величайшій голодъ—казнь Божія, посѣтившая Россію въ 1600 году, былъ облегченъ раздачею денегъ изъ казны царской. Оттуда щедрою рукою сыпались золото и серебро, на которыя былъ покупаемъ хлѣбъ, питавшій алчныхъ. Наконецъ, голодъ сталъ уменьшаться, и въ 1603 году наступили времена изо-

билія. Но судьба тайно приготовляла ударъ Гудунову. Простой инокъ, *Григорій Отрепьевъ*, жившій въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, изъ званія дѣтей боярскихъ, ушелъ изъ монастыря и, скитавшись по Россіи, наконецъ достигъ Польши. Здѣсь Григорій вступилъ въ службу къ князю Вишневецкому. По прошествіи нѣкотораго времени онъ притворился больнымъ, потребовалъ духовника, которому открылъ на исповѣди, что онъ есть истинный сынъ царя Іоанна IV Васильевича, Грознаго, а убитый въ Угличѣ былъ не онъ царевичъ. Онъ же, настоящій сынъ царя Іоанна IV, опасаясь мщенія Годунова, похитившаго престолъ Россіи, тайно скрывался до-тѣхъ-поръ, пока нашелъ убѣжище въ Польшѣ, и что теперь, при послѣднихъ минутахъ своей жизни, проситъ одного, чтобъ погребли его прилично высокому званію. Для бòльшаго увѣренія духовника; онъ вручилъ ему свитокъ, въ

которомъ были описаны подробно всѣ его приключенія, и просилъ этого свитка не показывать никому. Но духовникъ все открылъ князю Вишневецкому, а отъ него дошло до польскаго короля. Былъ собранъ сеймъ, на который былъ приведенъ и Отрепьевъ. Онъ королю и панамъ разсказалъ ту же исторію. Они признали его законнымъ наслѣдникомъ россійскаго престола,—дали ему часть войска и большую сумму денегъ. Самозванецъ Отрепьевъ, подкрѣпляемый такимъ образомъ, возсталъ противъ Россіи. Годуновъ не могъ не содрогнуться: онъ, хотя и былъ увѣренъ въ смерти Димитрія, но при всемъ томъ хорошо зналъ любовь и преданность Россіянъ къ законнымъ государямъ. Между-тѣмъ Самозванецъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ: онъ перешелъ чрезъ Днѣпръ, и въ 1604 году ступилъ на землю русскую. Ему передались города: Путивль, Рыльскъ, Бѣлгородъ и Черниговъ. Войско Борисово

выступило противъ Отрепьева, но въ этомъ войскѣ мало было видно усердія и ревности. Причины очевидны: одни изъ воиновъ, почитая въ Самозванцѣ законнаго государя, страшились подымать противъ него оружіе; другіе, ненавидя Бориса, не поставили себѣ въ обязанность умирать за него. Лже-Димитрій проникъ до Новгорода Сѣверскаго; но здѣсь онъ былъ остановленъ, и ни угрозы, ни увѣщанія не могли склонить къ сдачѣ военачальниковъ: *князя Трубецкаго и Петра Басманова.* Января 21-го 1605 года произошло кровопролитное сраженіе, которое рѣшилось-было въ пользу *Лже-Димитрія,* но отрядъ иноземнаго войска, которымъ начальствовали: *Валтеръ фонъ-Розенъ и Маржеретъ,* исторгнулъ изъ его рукъ побѣду. 13-го апрѣля 1605 года скончался Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Москва присягнула въ вѣрности сыну его *Ѳеодору.* Примѣру ея послѣдовали многіе города. Но вдругъ

измѣнилось все: *Басмановъ,* герой Новгорода Сѣверска рѣшился обезславить измѣною свое имя. Онъ, съ другими своими единомышленниками, прибылъ въ Путивль, палъ къ ногамъ Самозванца и торжественно назвалъ его царемъ русскимъ. Слѣдствія этой измѣны были гибельны. Войско царя послѣдовало примѣру своихъ начальниковъ. Оно соединилось съ полчищами Отрепьева. «*Да здравствуетъ царь Димитрій!*» раздалось отъ рѣки Десны до Оки. Изъ Тулы Самозванецъ отправилъ къ жителямъ Москвы граммату, въ которой увѣрялъ жителей въ своей милости. Столица, а съ ней вмѣстѣ и другія области, признали Отрепьева сыномъ Іоанна IV. Царь Ѳеодоръ былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ матерью своею, а дочь Годунова, Ксенія, назначена къ заключенію въ монастырь. Всего этого мало, — тѣло Бориса, положенное въ церкви Св. Михаила, было извлечено изъ могилы и уединенно погребено

съ тѣлами супруги и сына на Срѣтенкѣ, въ обители Св. Варсанофія (2).

Народъ, разграбивъ домы Годуновыхъ, присягнулъ новому царю, который изъ Тулы прибылъ торжественно въ Москву. Самозванецъ, сдѣлавшись царемъ московскимъ, вступилъ въ супружество съ Мариною, дочерью Мнишека, воеводы Сендомирскаго, съ которымъ еще въ Польшѣ сдѣлалъ объ этомъ условіе и который помогалъ Отрепьеву.

Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла польскія войска, окружавшія Самозванца; жители терпѣли отъ нихъ большія притѣсненія. Это между народомъ произвело ропотъ; ктому-же, и многіе изъ бояръ скоро увидѣли свою ошибку и узнали въ новомъ царѣ бывшаго инока Чудова монастыря. Ропотъ въ народѣ увеличился и превратился въ явную злобу. Стали го-

ворить: «*Царь еретикъ, онъ не сынъ царя Іоанна Васильевича, а Самозванецъ, Гришка Отрепьевъ.* «Ктому-же, Самозванецъ эту ненависть народа и многихъ бояръ возбудилъ еще болѣе противъ себя тѣмъ, что онъ явно сталъ презирать русскіе обычаи и нарушать законы нравственности. Надъ нимъ въ высшей степени обладала необузданная страсть къ сластолюбію, развратившая его до того, что онъ обезчестилъ знатныя фамиліи и самымъ непростительнымъ образомъ нарушалъ священныя права родителей и супруговъ. Ко всему этому надобно присоединить, Лже-Димитріемъ оказываемое презрѣніе ко всѣмъ, вѣками утвержденнымъ и уважаемымъ отъ русскаго народа нравамъ и обычаямъ. Онъ надъ всѣмъ подобнымъ насмѣхался, а это самое уменьшало къ нему любовь народную. Извѣстно, что каждый народъ свято чтитъ нравы и обычаи своихъ предковъ. Поводы къ неудовольствію

народа увеличились яснѣе. Они распространялись отъ явнаго Самозванцемъ доброжелательства къ католическому закону; отъ принятія къ себѣ езуитовъ, много помогавшихъ ему; отъ пренебреженія къ Русскимъ при учрежденіи тѣлохранительной стражи изъ иностранцевъ, которымъ онъ дѣлалъ большое предпочтеніе; отъ расточенія государственныхъ доходовъ изъ любви къ неумѣренной пышности; отъ своевольнаго обхожденія съ вельможами, и отъ гордыхъ поступковъ съ духовенствомъ; отъ пренебреженія постовъ, праздниковъ, святыхъ иконъ и многихъ церковныхъ постановленій. Все это, взятое вмѣстѣ, возраждало въ народѣ сомнѣніе и каждому казалось невѣроятнымъ, чтобы государь, поступающій вопреки всѣмъ русскимъ обыкновеніямъ, могъ быть потомкомъ Рюрика и сыномъ Іоанна IV. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что Димитрій вступаетъ въ бракъ съ Полькою, и когда во

время торжественнаго въѣзда Марины въ Москву внезапно случилась сильная буря, принятая многими за худое предзнаменованіе, а также, когда услышали заподлинное, что Димитрій, въ благодарность за полученную отъ Польши помощь, обѣщался уступить ей нѣкоторыя россійскія области, соединиться съ нею противъ Швеціи и даже ввести католическую вѣру: тогда негодованіе возрасло до высшей степени. Даже и добрыя свойства Самозванца, послѣ всего этого, стали быть унижаемы. Снисхожденіе считалось за раболѣпство, строгость—за тиранство, а многія его знанія въ наукахъ относили къ чародѣйству. Самое бракосочетаніе Самозванца, вмѣсто радости, произвело въ народѣ ропотъ, негодованіе, ибо оно совершилось въ противность устава нашей церкви, и къ соблазну всѣхъ: наканунѣ пятницы 8-го мая и, притомъ, дня Св. Николая. Тогда, говоритъ лѣтопись, веселіямъ при дворѣ не было

конца; безпрестанно гремѣла музыка, Самозванецъ пировалъ, веселился, плясалъ и скоморохствомъ своимъ унижалъ царское величіе. Новыя подозрѣнія въ народѣ, что онъ не сынъ Іоанна VI, увеличились еще болѣе оттого, что царь и царица ходили въ польской одеждѣ; что Полякамъ былъ дозволенъ свободный доступъ къ Самозванцу, а Русскимъ запрещенъ; что при свадебныхъ пиршествахъ польскимъ вельможамъ отдавали преимущество; что кушанье для царскаго стола приготовлялось по-польски; что пьяные польскіе вельможи надменно поступали съ Русскими и наконецъ, даже на улицахъ дозволяли себѣ непростительныя грубости противъ русскихъ женщинъ. Все это производило большую злобу, большой ропотъ! *Царь еретикъ, онъ басурманъ, онъ хуже Турка!*—раздавалось и въ домахъ и на площади. Дворъ узналъ, что составился заговоръ на умерщвленіе Поляковъ и что

назначено къ тому 15 число мая. Было велѣно учинить розыскъ, но все было напрасно. 15-го мая прошло, смятенія никакого не случилось, а это водворило совершенную безопасность, истребило страхъ, и по прежнему заставило предаться веселостямъ. 18-го мая собранныя войска должны были представить воинскія упражненія — осаждать построенную передъ городомъ деревянную крѣпость и взять ее приступомъ. Ложный Димитрій имѣлъ намѣреніе освободиться при семъ случаѣ за одинъ разъ отъ всѣхъ недоброжелательныхъ вельможъ,—Поляки должны были ихъ изрубить, а народъ, если бы онъ покусился ихъ защищать, привести въ повиновеніе пушками. Для предупрежденія сего составился заговоръ. Главою онаго былъ *Василій Іоанновичъ Шуйскій.* У него въ ночи съ 16 на 17 число мая собралось въ домѣ много бояръ и гражданъ. Князь Шуйскій сказалъ имъ объ

угрожавшей всѣмъ опасности и увѣрилъ, что нѣтъ никакого другаго средства къ избавленію церкви и державы, какъ смерть ложному Димитрію.

«Сбылось предчувствіе!» сказалъ кто-то въ толпѣ: «что это не сынъ царя Іоанна Васильевича, а обманщикъ, басурманъ, нехристь!»

—Это правда твоя, бояринъ! сказалъ другой:—если бы это былъ настоящій сынъ царя Іоанна, а не бѣглецъ изъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ, то навѣрное бы онъ не садился, не молясь, за трапезу; не плясалъ бы по-бѣсовски, не любилъ бы Поляковъ, не позволялъ бы имъ буйствовать, оскорблять насъ, Москвичей, насмѣхаться надъ обрядами нашея православныя церкви. Думалъ-ли я на старости дожить до такого срама! Господи помилуй! продолжалъ говорившій, пере-

крестясь, и избави насъ, грѣшныхъ, отъ руки вражеской и благословен, чтобы мы сподобились пасть за вѣру и святое отечество.

Было утро, мая 17-го 1606 года; ровно въ 4 часа пополуночи ударили въ набатъ. Сбѣжавшійся народъ вообразилъ, что Поляки хотѣли умертвить бояръ и самого царя. Въ то время, когда чернь разсыпалась по домамъ для истребленія Поляковъ, князь Шуйскій, наружность котораго не представляла ничего величественнаго: онъ былъ, при тучности тѣла, низкаго роста, имѣлъ смуглое, вовсе непривлекательное лицо, широкій ротъ, красноватые, подслѣпые глаза и суровый взглядъ, съ мечемъ въ правой рукѣ и съ крестомъ въ лѣвой, и предводительствуя единомышленниками, къ которымъ мало-по-малу присовокупилось большое множество народа, устремился во дворецъ. Измѣнникъ Басмановъ учинился первою жертвою. Стража Самозванца защищалась отчаянно. Но превосходство взяло преимущество надъ отчаяніемъ. Народъ, вылamывая двери, преслѣдовалъ отступавшую стражу изъ одной

комнаты въ другую.—Самозванецъ, видя свою гибель, рѣшился спастись посредствомъ подставленныхъ къ окну подмостковъ, но выскочивъ, онъ упалъ и переломилъ себѣ ногу. Преслѣдователи, не нашедши его нигдѣ, устремились въ чертоги царицы, не повѣрили тому, что она убѣжала къ своему отцу, но хотѣли обыскать вездѣ. Стрѣльцы, взявшіе подъ свою защиту Димитрія, хотя храбро защищали нападеніе разъяренной черни, но все было тщетно. Самозванца схватили и внесли во дворецъ для допроса. Царица-инокиня торжественно объявила, что она единствено отъ страха смерти признала сего Самозванца за своего сына, и въ семъ грѣхѣ винится передъ Богомъ и Россіею. Два выстрѣла прекратили жизнь бродяги. Обезображенное тѣло его было брошено съ крыльца на тѣло Басманова. Этого мало: разъяренный народъ извлекъ изъ Кремля трупъ Самозванца и бросилъ

его на площади для общаго позорища и поруганія. Три дня лежалъ трупъ на Лобномъ мѣстѣ, потомъ сожгли его въ пепелъ, которымъ зарядили пушку и оный развѣяли выстрѣломъ. Послѣ сего мщеніе народа устремилось на Поляковъ. «*Смерть и гибель всѣмъ Ляхамъ!*» раздавалось на Лобномъ мѣстѣ и улицахъ московскихъ. Пощады не было никому. Знатные Поляки защищались съ людьми своими въ домахъ противъ осаждавшей ихъ черни, пока князь Шуйскій не разослалъ для ихъ охраненія стражу, которой добровольно они себя ввѣрили. Маринѣ, вдовѣ Самозванца, позволено удалиться къ своему отцу.

Спокойствіе въ Москвѣ было возстановлено. Собравшіеся бояре приступили къ избранію новаго царя. Приверженные князя Шуйскаго единогласно наименовали его царемъ Россіи; народъ, стоявшій во множествѣ около Кремля, радостнымъ

крикомъ. «да здравствуетъ нашъ новый царь Василій!» подтвердилъ избраніе, и Василій Іоанновичъ, 1-го іюня 1606 года, рукою новогородскаго митрополита Исидора былъ вѣнчанъ на царство.

Не смотря на то, что предѣлы этого историческаго сказанія тѣсны, однако, царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго должно быть описано нѣсколько подробнѣе, и болѣе потому, дабы показать, какія несчастія испытала тогда Россія, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находилась она послѣ Шуйскаго, наконецъ, какимъ чудесным случаемъ и кѣмъ спасена она.

Царство русское, въ началѣ правленія Шуйскаго, вздохнуло свободно и было покойно. Бояре и народъ забыли минувшее горе, да и самъ Василій Іоанновичъ желалъ оградить спокойствіемъ и безопасностію государство свое. Онъ отправилъ

пословъ къ польскому королю Сигизмунду III для возобновленія мирнаго договора, заключеннаго еще при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ. При семъ напоминалъ королю, что онъ несправедливо нарушилъ прежнее мирное постановленіе и способствовалъ ложному Димитрію въ достиженіи царскаго престола, но что теперь этотъ обманщикъ, нанесшій столько вреда Россіи, лишенъ престола и жизни. Король польскій, въ свою очередь, прислалъ также съ своей стороны пословъ къ Шуйскому и заключилъ съ нимъ мирный договоръ только на четыре года, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы всѣ Поляки, въ томъ числѣ и Мнишекъ съ дочерью Мариною, которые задержаны въ Москвѣ послѣ убіенія Димитрія, были отпущены въ Польшу. Статьи мирнаго договора были утверждены съ обѣихъ сторонъ. Послы польскіе, Сендомирскій, дочь его и другіе Поляки, содержавшіеся въ Москвѣ, отпущены въ свое

отечество: они дали присягу царю Василію Іоанновичу, что не присоединятся къ новому Самозванцу, появившемуся вскорѣ по вступленіи на престолъ Россіи Шуйскаго. Но данная клятва Мнишекомъ и Мариною была нарушена....

Въ Москвѣ думали, что наступилъ конецъ всѣмъ смутамъ: никто не заботился о будущемъ; но вдругъ среди безпечныхъ Москвитянъ пронеслась роковая вѣсть о появленіи новаго Самозванца. Эти слухи, что Димитрій, то-есть убитый Самозванецъ, живъ, а вмѣсто его убитъ другой, и находится въ Польшѣ, гдѣ, дѣйствительно, одинъ обманщикъ выдавалъ себя за Димитрія, распространилъ *князь Шаховской* съ другими непріятелями Шуйскаго. Онъ убѣжалъ въ Путивль, гдѣ склонилъ съ союзу противъ Василія сперва сей городъ, а потомъ многія другія мѣста. Шаховской привлекъ къ себѣ нѣсколько тысячъ ка-

заковъ и вскорѣ составилъ многочисленное войско. Бунтъ вспыхнулъ въ Украйнѣ. Бунтовщики, или вооружившаяся вольница, избрали своимъ предводителемъ *Ивана Болотникова*, бѣглаго слугу *князя Телешовскаго*. Онъ устремился къ Москвѣ и овладѣлъ Коломною. Племянникъ царя, князь *Скопинъ-Шуйскій* отразилъ Болотникова отъ Москвы, убѣжавшаго съ остаткомъ войскъ изъ Москвы въ Калугу. Тамъ онъ, въ 1607 году, былъ осажденъ самимъ царемъ. Но вскорѣ Болотниковъ получилъ подкрѣпленіе: казаки провозгласили слугу боярина Елагина царевичемъ *Петромъ*, сыномъ царя Ѳедора Іоанновича, (котораго будто-бы Годуновъ подмѣнилъ на дѣвицу Ѳеодосію). Лже-Петръ съ 10,000 казаковъ пришелъ на подмогу къ Болотникову, и вмѣстѣ съ нимъ одержалъ побѣду надъ царскими войсками; но вскорѣ полководцы царя, князья: *Голицынъ* и *Лыковъ*, разбили мятежниковъ. Лже-царе-

вичъ Петръ, Болотниковъ, Шаховской и другіе сообщники сихъ злодѣевъ были казнены.

Но давно Россія не испытывала такихъ ужасныхъ бѣдствій, какъ во время, нами описываемое. Неистовства мятежниковъ превосходили всякую мѣру: они рѣзали беззащитныхъ, не различая ни полу, ни возраста. Неслыханныя жестокости служили имъ забавою!

Въ Стародубѣ явился новый Самозванецъ—ложный Димитрій, и снискалъ вѣру. Онъ былъ сынъ украинскаго попа, считавшійся также и за сына боярскаго, именемъ *Гаврило Веревкинъ.* Скоро все пришло въ движеніе.—Жители Стародуба и Чернигова изъявили ему свою вѣрность. Въ Москвѣ поднялась тревога: каждый день съ восходомъ солнца, златившаго своими лучами крестъ Ивана Великаго, на-

родъ толпами собирался въ Кремль и на Лобное мѣсто, и пересказывая другъ другу новости, толковалъ о явленіи Самозванца.

«Да, пришло крутое времечко» говорилъ одинъ купецъ, обращаясь къ почтенному старику, внимательно глядѣвшему на крестъ Ивана Великаго: «городъ за городомъ сдаются измѣннически Самозванцу. Думали-ли мы, на старости лѣтъ, дожить до такого срама? Господи Боже мой», продолжалъ купецъ, набожно перекрестясь: «Неужели опять и Москва преклонитъ голову передъ этимъ обманщикомъ, и мы, православные, увидимъ тѣ же пляски бѣсовскія, то же презрѣніе святыни, какое видѣли при Гришкѣ Отрепьевѣ?

—Наказаніе Божіе, любезный, наказаніе Божіе за грѣхи наши! отвѣчалъ старикъ продолжая глядѣть на крестъ; чего тутъ,

ожидать хорошаго? Борисъ Өеодоровичъ извелъ младенца Димитрія; на богохульничество Отрепьева мы долго смотрѣли молча, да и царь-то Василій Іоанновичъ, будь сказано между нами, говорилъ старикъ, понизивъ голосъ, избранъ на царство по-старанію своихъ приверженцевъ.

«Все такъ, любезный, но вѣдь царь Василій Іоанновичъ печется о своихъ подданныхъ. Но что дѣлать, когда между боярами видимъ измѣнниковъ. Жаль одного, что царь, почитая себя обезпеченымъ послѣ злодѣя Болотникова, распустилъ свои войска прежде, нежели вовсе истребленъ былъ Лже-Димитрій, отъ котораго онъ теперь не ожидалъ болѣе никакой опасности!».

—Анъ, видишь, вышло-то противное: бродяга перешелъ черезъ границу, сопровождаемый Поляками и казаками; къ нему

много, какъ носятся слухи, пристало и Русскихъ. Худо, дружище, одно, что царь, не довѣряя многимъ боярамъ, на защиту отечества, велѣлъ выступить своему родному брату Димитрію Іоанновичу. Я знаю его давненько: не далекъ онъ въ дѣлахъ ратныхъ и только любитъ величаться и спѣсивиться.

«Да, это худо! знать не бывать добру. Горе намъ, согрѣшившимъ! говорилъ купецъ, крестясь. Будь воля Его надъ нами и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!»

Говорившіе разошлись; но въ это самое время шли въ Кремль, въ Сборную Палату, по данному наканунѣ повелѣнію государя, всѣ важные сановники московскіе. Они прежде прихода самого царя сѣли на скамьи, стоявшія вдоль стѣнъ. Простота ихъ одеждъ сообразна была со вкусомъ царя, ибо Василій Іоанновичъ былъ бере-

жливъ и не любилъ роскоши.—Глядя на собравшихся сановниковъ Москвы, можно было замѣтить, что они не столько были заняты дѣломъ общимъ, сколько участью о самихъ себѣ. Между ими не существовало никакого единодушія, а въ словахъ и поступкахъ обнаруживались скрытность и осторожность. Тутъ были: меньшой братъ царя—князь *Иванъ Ивановичъ Шуйскій*, своякъ царя—князь *Иванъ Михайловичъ Воротынскій*, племянникъ — князь *Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій*, князь *Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій*, бояринъ *Иванъ Никитичъ Романовъ*, воевода *Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ*, воевода *Григорій Ѳедоровичъ Сунбуловъ*. бояре: *Ѳедоръ Ивановичъ Шереметьевъ*, *Василій Петровичъ Морозовъ*, *Артемій Васильевичъ Измаиловъ* и князья: *Андрей Васильевичъ Голицынъ*, *Дмитрій Васильевичъ Турєнинъ*, *Иванъ Михайловичъ Катыревъ*, *Юрій Никитичъ Трубецкой*, *Семенъ Михайловичъ*

Троеруковъ, и много другихъ. Вскорѣ въ палату вступилъ патріархъ *Гермогенъ*, заступившій мѣсто любимца Отрепьева — Игнатія. — Всѣ встали и привѣтствовали добраго пастыря. Онъ все собраніе осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ, и сѣлъ на пріуготовленное для него мѣсто. Вскорѣ за патріархомъ вошелъ и царь Василій Іоанновичъ. Поклонившись ласково собранію и принявъ патріаршее благословеніе, онъ занялъ первое мѣсто за столомъ.

Воцарилось молчаніе, но оно скоро было прервано рѣчью царя, въ которой онъ, исчисливъ бѣдствія, постигшія Россію, просилъ о единодушномъ противоборствѣ неистовымъ врагамъ. «Не попустимъ нечестивцамъ!» говорилъ онъ, «завладѣть царствомъ русскимъ, попрать вѣру отцовъ нашихъ. Я самъ поведу васъ, первый покажу примѣръ, какъ должно умирать за землю русскую, за церковь православную».

— Нѣтъ, государь, мы не допустимъ тебя подвергать жизнь свою опасности, говорили многіе бояре: — мы, мы умремъ, мы не пожалѣемъ живота своего, мы всѣ до единаго умремъ за тебя, государь нашъ! Мы цѣловали крестъ, мы клялись беречь жизнь твою: на Страшномъ судѣ Всемогущій потребуетъ отъ насъ отвѣта, если не сохранимъ помазанника Его.

« Гибель обманщику, гибель всѣмъ крамольникамъ!» кричали всѣ бояре.

Патріархъ Гермогенъ всталъ съ своего мѣста. При его движеніи все утихло. «Именемъ самого Всемогущаго Бога», сказалъ патріархъ, «пострадавшаго для искупленія нашего отъ грѣховъ, и именемъ Пресвятыя Богородицы, благословляю васъ, христіане, на труды достоименитые. Идите, братія по Христѣ, идите смѣло на враговъ нашихъ. Да будетъ помощни-

комъ вашимъ Самъ Богъ; крестъ и молитва да сопровождаютъ васъ. Знайте, что васъ ожидаетъ слава, что потомство благословитъ васъ, а церковь будетъ молиться о душахъ!»

« — Святѣйшій патріархъ! сказалъ князь Скопинъ-Шуйскій: — говорю отъ имени всѣхъ бояръ, что мы готовы умереть за нашего царя, за святую Русь. Не потерпимъ, не попустимъ неистовымъ крамольникамъ злодѣйствовать въ царствѣ русскомъ!

«Опять благословляю тебя, государь, и всѣхъ васъ, бояре!» говорилъ патріархъ, творя на всѣхъ крестное знаменіе, «и буду просить Творца небеснаго, чтобы Онъ даровалъ побѣду надъ супостатами и сохранилъ дни царя нашего!»

Царь, а за нимъ патріархъ вышли изъ

палаты; бояре, храня молчаніе, начали также расходиться.

Это собраніе сановниковъ московскихъ было за нѣсколько дней до того времени, какъ пріѣхалъ гонецъ изъ стана русскаго, отъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, съ объявленіемъ, что мая 10-го 1608 года, Стародубскій Самозванецъ выигралъ, при Болховѣ, у князя Шуйскаго побѣду. Это много опечалило царя, но онъ не унывалъ духомъ и надѣялся на Творца небеснаго.

Ужасъ предшествовалъ Самозванцу: отъ одного его имени всѣ бѣжали въ Москву, какъ въ послѣднее убѣжище; наконецъ, злодѣй явился близъ Москвы и сталъ въ селѣ *Тушинѣ*. Онъ, послѣ пораженія князя Шуйскаго подъ Болховымъ, спѣшилъ къ столицѣ, полагая, что одно его появленіе покоритъ ему Москву, а съ нею и

все царство русское. Село Тушино, въ 12 верстахъ отъ Москвы, на большой дорогѣ, ведущей нынѣ въ города—Воскресенскъ и Волоколамскъ. Москва цѣпенѣла отъ ужаса; бояре были въ смущеніи; народъ и войско колебались. Вся южная Россія признала власть Самозванца, только Троицкая Лавра св. Сергія, Коломна, Переславль-Рязанскій, Смоленскъ, Новгородъ-Нижній, Саратовъ, Казань и города сибирскіе остались еще вѣрными царю: *всѣ другіе принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями, гдѣ толпилось болѣе ста тысячъ разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа, гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши; вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, варенныя и сырыя, лежали грудами, пресы-*

щая людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино (3).

Въ это же самое время, тесть перваго Лже-Димитрія, Сендомирскій, воевода Мнишекъ и его дочь Марина, отпущенные царемъ Василіемъ Іоановичемъ, въ силу договора съ королемъ Сигизмундомъ, прибыли въ Тушино, гдѣ безстыдная Марина, съ одной стороны побуждаемая Поляками, а съ другой—собственнымъ честолюбіемъ, рѣшилась гнуснаго измѣнника признать за своего мужа. Слѣдствіемъ этого было то, что многіе изъ Русскихъ признали *Тушинскаго вора (4)* за истребленнаго въ Москвѣ Лже-Димитрія и почитая сего послѣдняго за сына Іоанна IV. Это много ободрило Самозванца, а также онъ, будучи подкрѣпляемъ польскимъ гетманомъ *Рожинскимъ* и вельможею *Сапѣгою,* началъ дѣйствовать тщательнѣе. Ему передались: Суздаль, Шуя, Перес-

лавль-Залѣсскій и многіе другіе города. Вскорѣ была осаждена св. Троицкая Сергіева Лавра.

Скажемъ объ осадѣ этого монастыря, случившейся въ 1608 году.

Древній, знаменитый монастырь св. Сергія основанъ святымъ мужемъ *Сергіемъ* въ половинѣ XIV столѣтія, въ княженіе Симеона Іоанновича Гордаго. Эта священная для каждаго Русскаго обитель, этотъ вертоградъ спасенія иноковъ, избравшихъ путь благодати, показалъ неслыханный примѣръ вѣрности и пламенной любви къ отечеству. Во время гибельнаго въ Россіи междуцарствія, этотъ монастырь, по своему богатству, можно сказать, былъ изъ первыхъ. Да и въ наше счастливое, благополучное время едва-ли есть обитель, которая бы сравнялась въ богатствѣ съ обителью св. Сергія, уже не говоря о

тѣхъ подвигахъ ея иноковъ, каковыми не ознаменовали себя иноки другихъ монастырей и пустынь, находящихся въ пространной Россіи. Этотъ монастырь основанъ близъ протока, называемаго *Кончурою*, и отстоитъ отъ Москвы въ 64 верстахъ. Во время, нами описываемое, въ монастырѣ св. преподобнаго Радонежскаго чудотворца Сергія еще не существовали ни великолѣпная церковь св. Сергія, именуемая соборомъ, ни высочайшая въ Россіи колокольня, ни другія, нынѣ украшающія обитель, зданія. Впрочемъ, въ описываемую нами эпоху, въ знаменитомъ Троицкомъ монастырѣ красовались высокія каменныя стѣны, восемь огромныхъ башенъ, соборы: Троицкій съ позлащенною кровлею, и Успенскій съ пятью главами, четыре церкви и другія монастырскія строенія съ многолюднымъ посадомъ, находящимся внѣ монастыря. Монастырь прельстилъ Поляковъ своимъ богатствомъ,

Онъ, основанный въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, походилъ тогда болѣе на воинственный за̀мокъ, чѣмъ на жилище миролюбивыхъ иноковъ. Царь Василій Іоановичъ еще прежде осады занялъ этотъ монастырь дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ и стрѣльцовъ, а сами иноки запаслись всѣмъ нужнымъ для сопротивленія. По стѣнамъ и башнямъ были разставлены пушки; на инокахъ, сверхъ рясъ были надѣты воинскіе доспѣхи. Они вмѣстѣ съ воинами, для истребленія непріятельскихъ разъѣздовъ, посылаемыхъ буйными Ляхами, выходили на дороги, ловили лазутчиковъ, прикрывали царскіе обозы. Это много досадовало Поляковъ, рѣшившихся, наконецъ, взять Лавру. «Долго-ли», говорили они Лже-Димитрію, «свирѣпствовать противъ насъ этимъ кровожаднымъ *врагамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ погребѣ?* Города многолюдные и цѣлыя области уже твои, Шуйскій бѣ-

жалъ отъ тебя съ войскомъ, а черицы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и жилища!» Наконецъ, 23-го сентября 1608 года гетманъ Сапѣга и *Лисовскій*, предводительствуя 30,000 Поляковъ, стали въ виду монастыря и осадили оный. Князь *Долгорукій* и *Голохвастовъ* располагали дѣйствіями защиты Лавры. Жители слободъ обратили въ пепелъ свои жилища и съ семействами спѣшили внутрь монастыря. Народу собралось множество: нельзя было всѣмъ помѣститься въ келліяхъ; больные лежали на дождѣ въ холодную осень. «Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ!» говорили иноки—и принимали всѣхъ. Было назначено, кому биться на стѣнахъ и кому въ вылазкахъ. Воеводы, ревностные защитники святыни, князь Долгорукій и Голохвастовъ, первые поцаловали крестъ надъ гробомъ св. Сергія, дабы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны.* Всѣ послѣдовали ихъ

примѣру, и всѣ горѣли желаніемъ быть готовыми *къ кровопролитному бою.* Сапѣга и Лисовскій писали къ воеводамъ, защищавшимъ монастырь: «покоритесь Димитрію, истинному царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но и милостивѣе лже-царя Шуйскаго, имѣя чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже едва не всѣмъ государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ осажденной Москвѣ. Если мирно сдадитесь, то будете намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ богатыхъ селъ; въ случаѣ безполезнаго упорства падутъ ваши головы!» Это было читано всенародно. Монахи и воины говорили: «упованіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ—Богоматерь, святые Сергій и Никонъ—сподвижники: не страшимся!» Поляки не получили отвѣта въ отношеніи согласія на миръ. Они, озлобленные, утвердились на горѣ *Волкушѣ, Терентьевской, Круглой* и *Красной;* выко-

пали ровъ отъ Келарева пруда до Глиняннаго оврага, и насыпали широкій валъ. Впродолженіе шести недѣль Ляхи не переставали палить слишкомъ изъ 60 пушекъ, для разрушенія каменной ограды. Но все было напрасно: стѣны и башни тряслись, но не падали, и если гдѣ дѣлалось отверстіе, то оное вскорѣ задѣлывали. Каленые ядры летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыхъ мѣстахъ. Осажденные, видя это, сколько сначала удивлялись, столько же потомъ, все это приписывая чудесной волѣ Бога, укрѣплялись духомъ, молились и ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Какая противоположность въ дѣйствіяхъ была въ станѣ Сапѣги! Тамъ, готовясь къ рѣшительному нападенію на монастырь, предавались пиршеству. Весь день 12-го октября былъ посвященъ шумному,

разгульному веселью, а ночью Поляки устремились къ монастырю. Но и это покушеніе было напрасно: неистовыхъ злодѣевъ не допустили до стѣнъ обители, въ которой все было на стражѣ. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей, многихъ ранили и убили, а всѣ прочіе предались бѣгству и отступленію. Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Поляки мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но и эти попытки не приносили ни малѣйшей имъ пользы.—Осажденные стали дѣйствовать наступательно. Они, увидѣвъ однажды не очень-большое число непріятелей въ огородахъ монастыря, рѣшились безъ позволенія начальниковъ сдѣлать вылазку. Нѣсколько стрѣльцовъ и казаковъ спустилось на веревкахъ со стѣны: они напали и перерѣзали встрѣтившихся непріятелей. Князь

Долгорукій и Голохвастовъ, видя таковую ревность своихъ воиновъ, рѣшились воспользоваться оною. Они вскорѣ же съ конными и пѣхотными дружинами сдѣлали вылазку къ Красной горѣ, чтобы разрушить непріятельскія бойницы, но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ храбрыхъ воиновъ. Поляки, гордясь этимъ, какъ бы побѣдою, хотѣли довершить начатое.

Ночь на 26 октября 1608 года была самая темная, во всемъ видѣ осенняя: на небѣ не было видно ни одной звѣздочки; всѣ предметы, окружавшіе святую обитель, были покрыты густымъ, непроницаемымъ мракомъ. Все было тихо, и только небольшіе огоньки едва свѣтились въ Лаврѣ. Всѣ воины, исключая сторожевыхъ, стоявшихъ на башняхъ, были преданы дремотѣ, но не совершенному сну, который давно бѣжалъ ихъ. Вдругъ они

были пробуждены внезапнымъ, страшнымъ шумомъ. Поляки, при громѣ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ стремились къ монастырю, достигли рва и зажгли острогъ. Вспыхнувшее яркое пламя освѣтило окрестность, показало бѣжавшія толпы Ляховъ и служило для осажденныхъ, безстрашныхъ русскихъ воиновъ, надѣявшихся на одного Бога и Его угодника, преподобнаго Сергія, вѣрностію цѣли ихъ пушкамъ и пищалямъ. Осажденные побили много самыхъ смѣлыхъ Поляковъ и даже не дали сжечь острога. Непріятель ушелъ въ свои окопы, впрочемъ, не остался и въ нихъ. Съ наступленіемъ слѣдующаго дня, Поляки, видя на стѣнахъ обители св. Сергія вынесенные изъ храмовъ образа, хоругви и вышедшихъ иноковъ и воиновъ, которые хоромъ пѣли благодарственый молебенъ за побѣду, устрашились нападенія, и бѣжали въ укрѣпленный станъ.

Но спокойствіе, которое продолжалось между осажденными и осаждавшими, было не долго. Сапѣга и Лисовскій готовили гибель св. обители. Князья — Долгорукій и Голохвастовъ, угадывая ихъ намѣреніе, предположили объ этомъ узнать обстоятельно. Они сдѣлали вылазку, успѣли захватить въ плѣнъ одного Поляка, отъ котораго узнали, что непріятель ведетъ подкопъ. Сердца уныли, ибо знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали гдѣ: плѣнникъ не зналъ мѣста. Впрочемъ, молитвы и ревность иноковъ воспламенили опять защитниковъ. Они представили имъ малодушіе за грѣхъ, гибель временную за спасеніе вѣчное.—Битвы начались и продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ изъ-подъ стѣны въ ровъ для скорѣйшихъ вылазокъ. Въ темныя ночи они нападали на окопы непріятельскіе, хватали Поляковъ, допрашивали, и узнали наконецъ важную тайну—мѣсто подкопа.

Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги; 9-го ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе архимандрита надъ гробомъ св. Сергія, князь Долгорукій и Голохвастовъ тихо вышли изъ крѣпости съ своими храбрыми воинами. Темнота ночи скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ-скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака; мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ — и всѣ кинулись впередъ. Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли; выгнали Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій и успѣли взорвать подкопъ. Побѣдители были еще недовольны: рѣзались съ непріятелемъ между бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные иноки и воины, толпа за толпою, бѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Поляки сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гна-

ли и трубили победу, но Русскіе снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы и наконецъ свершили побѣду. Битва продолжалась съ ранняго утра до темнаго вечера. Объ этомъ счастливомъ дѣлѣ архимандритъ и воеводы извѣстили Москву, которая праздновала его вмѣстѣ съ Лаврою. Ляхи видѣли всю невозможность взять эту святыню, хранимую Богомъ и иноками-воинами. Слишкомъ полтора года Лавра была въ осадѣ. Избавителемъ ея былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Въ это-же время въ Ростовѣ бодрствовалъ подборникъ чести и славы Россіи— митрополитъ *Филаретъ*. Онъ увѣщевалъ жителей Ростова мужественно сразиться или умереть за вѣру и Россію. Бунтовщики, подкрѣпляемые Поляками, ворвались въ Ростовъ. Они вломились въ церковь, гдѣ въ то время молился доблест-

ный митрополитъ. Мятежники его схватили, изорвали на немъ святительскія одежды и отправили къ Самозванцу. Весь Ростовъ съ окрестностями былъ ограбленъ. Ужасъ объялъ другіе города его, вѣрные царю Василію Іоановичу. Въ столицѣ было всеобщее волненіе, это дошло до Самозванца. Онъ вышелъ изъ своего Тушинскаго лагеря и, обложивъ Москву, пересѣкъ путь къ полученію ей съѣстныхъ припасовъ. Въ Москвѣ сдѣлался голодъ. Эти бѣдственныя обстоятельства заставили царя прибѣгнуть къ помощи другихъ державъ. Князь Скопинъ-Шуйскій вошелъ въ переговоры со Шведами.

Ужасны были тогда бѣдствія и несчастія, постигшія царство русское! «И премѣнишася тогда жилища человѣческая на звѣрская!» говоритъ лѣтопись: «диви бо, не кроткое естество, медвѣди и волки, и лисицы, и зайцы на градскія и прост-

ранныя мѣста пришедше, такожде и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищѣ на трупѣ человѣческомъ вселишася и крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры невѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе и плачущеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла, и поне мало бы отдохнути на сушѣ: но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣста ко скрытію; и вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію, и никому же не можно бяше двигнутися отъ мѣста своего, человѣкъ бо ожидаху аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ». (5).... Такое бѣдственное положеніе Россіи заставило Шуйскаго заключить союзъ съ королемъ шведскимъ, *Карломъ* IX, и опредѣлить большое жалованье наемнымъ шведскимъ войскамъ, отпущеннымъ въ Россію подъ предводительствомъ *Іакова Делагардія.*

Князь Скопинъ-Шуйскій и Делагардій покорили Псковъ и другіе города; проникнули до Москвы, разбили полчища Самозванцевы и заставили Сапѣгу бѣжать отъ стѣнъ Лавры. Москва ожила. Она съ радостными объятіями встрѣтила своего защитника—князя Скопина-Шуйскаго!

Но до сего времени вѣроломные Поляки, дѣйствовавшіе противъ Россіи какъ бы безъ воли своего правительства, теперь открыли войну явную. Сигизмундъ нарушилъ договоръ съ Шуйскимъ и объявилъ ему войну: 20,000 Поляковъ явилось подъ Смоленскомъ. Его мужественно защищалъ бояринъ *Шеинъ*. Самозванецъ въ это время убѣжалъ въ Калугу, а за нимъ и Марина. Между-тѣмъ, зависть и клевета рѣшились положить преграду геройскимъ подвигамъ князя Скопина-Шуйскаго. Онъ, къ неизъяснимой горести всѣхъ сыновъ царства русскаго, умеръ, какъ говоритъ

лѣтопись, отъ яда, даннаго ему женою князя Димитрія Ивановича Шуйскаго. Россія клонилась къ паденію. Послѣ Скопина главнымъ воеводою русскихъ войскъ былъ сдѣланъ братъ царя, князь Димитрій, и посланъ съ наемными шведскими войсками подъ Смоленскъ. Сколько любилъ и почиталъ Делагардій князя Скопина, столько ненавидѣлъ его преемника. Во время сраженія подъ *Клушинымъ*, бывшаго 24-го іюня 1609 года, Делагардій отдѣлился отъ Русскихъ, потерпѣвшихъ сильное пораженіе. Поляки овладѣли Можайскомъ, а Делагардій вторгнулся въ Новгородскую область, ограбилъ Ладогу, и ушелъ въ Швецію.

Между-тѣмъ, король польскій, Сигизмундъ, отрядилъ гетмана *Жолкѣвскаго* идти къ Москвѣ. Къ Жолкѣвскому присоединился гетманъ Сапѣга. Они окружили Москву и, по приказанію своего короля,

переписывались тайно съ московскими боярами, увѣряя ихъ, что король пришелъ и къ Смоленску съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ прекратить напрасное кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ и доставить миръ Россіи. А если къ Москвѣ посланъ гетманъ Жолкѣвскій, то это единственно для того, чтобы представить боярамъ настоящее положеніе Россіи и слабость правленія ихъ царя Шуйскаго, котораго могутъ они упросить сойдти съ престола, а черезъ это прекратить всѣ бѣдствія Россіи. На мѣсто же его, прибавляли Поляки, можно избрать сына короля Сигизмунда, королевича *Владислава*, который охотно приметъ и господствующую вѣру въ Россіи. Въ подтвержденіе всего этого король польскій прислалъ въ Москву къ боярамъ и ко всему народу свою грамату, въ которой самъ предлагалъ сына своего Владислава къ избранію на престолъ россійскій. Условія со стороны Сигизмунда бы-

ли выгодны для Русскихъ. Бо̀льшая часть бояръ и народа поколебались въ преданности къ Шуйскому. Они приняли сторону королевича Владислава. Составился заговоръ. Воротынскій, предводительствуя толпами народа, устремился во дворецъ. Шуйскій былъ взятъ и отведенъ въ прежній его домъ. Это было въ 1610 году. На другой день Василій Іоанновичъ насильно былъ постриженъ въ монашество и отправленъ въ Чудовъ монастырь; такой же участи подверглась, въ Вознесенскомъ монастырѣ, и его супруга, царица Марія Петровна. Россія осиротѣла. Ѳеодоръ Мстиславскій и другіе изъ бояръ приняли верховную власть. Тщетно патріархъ, оставшійся одинъ преданнымъ низведенному царю, укорялъ мятежныхъ бояръ, лишившихъ престола Шуйскаго и желавшихъ избрать королевича Владислава.

По сему важному дѣлу было послано

къ королю Сигизмунду въ Смоленскъ отъ бояръ и народа посольство. Его составляли: *Филаретъ*, митрополитъ ростовскій и ярославскій, освобожденный княземъ Скопинымъ, бояринъ князь Василій Васильевичъ *Голицынъ*, окольничій князь Данило Ивановичъ *Мезецкій*, думный дворянинъ Василій Борисовичъ *Сукинъ*, дьяки: *Луговскій* и *Васильевъ* и еще стольниковъ и дворянъ десять человѣкъ.

Посольство было принято Сигизмундомъ съ притворною ласкою и доброжелательствомъ. Онъ послалъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ предавшихся ему нашихъ измѣнниковъ, въ числѣ коихъ былъ бояринъ *Михайло Салтыковъ*, а гетману Жолкѣвскому послано тайное повелѣніе, чтобы онъ, прибѣгая къ хитрости, ввелъ войска свои въ Москву и овладѣлъ городомъ. Гетману удалось. Довѣрчивые Москвитяне впустили Жолкѣвскаго, а это

самое содѣлало ихъ жертвою его вѣроломства. Жолкѣвскій, вступившій въ Москву, снялъ съ себя личину доброжелателя царства русскаго, защищавшаго будтобы столицу отъ Самозванца. Онъ уничтожилъ думу, завладѣлъ казною, царскими сокровищами; ввѣрилъ главныя должности Полякамъ, поручилъ власть надъ оною польскому воеводѣ Госѣвскому, а самъ, взявъ низложеннаго царя и его братьевъ, князей: Димитрія и Ивана, отослалъ ихъ, какъ плѣнниковъ, къ королю Сигизмунду въ Смоленскъ

Много Поляки Жолкѣвскаго нанесли бѣдствій Москвѣ. Они оскверняли святые храмы, разоряли казну царскую и имущество частныхъ людей. Напрасно патріархъ Гермогенъ безбоязненно обличалъ ихъ въ злодѣйствахъ.

Поляки буйствовали. Они нигдѣ и никому не уступали изъ Русскихъ. Однаж-

ды на площади, у Лобнаго мѣста, стояли толпами нѣсколько купцовъ, подъячихъ, цаловальниковъ или присяжныхъ и другихъ чиносостояній людей, разговаривавшихъ о вѣроломствѣ Поляковъ и ихъ неистовствахъ. «Дожили мы, грѣшные», говорили старики, «до послѣдняго времени. Вѣрно скоро придетъ кончина вѣка сего, когда эти окаянные Поляки скверняютъ храмы Божіи, а мы не въ состояніи унять это неистовое буйство!»

—Господи Боже нашъ! спаси и помилуй говорили другіе: —не попусти этимъ злодѣямъ неистовствовать еще больше на святой Руси, въ нашемъ православномъ, царствѣ!

Въ это самое время изъ Кремля выѣхало трое всадниковъ. Это были Ляхи. Одинъ изъ нихъ, повидимому старшій, направляя путь къ стоявшимъ толпамъ,

и выправляя длинные свои усы, закричалъ повелительнымъ голосомъ:

«Гей вы, сермяжники! посторонитесь, дайте дорогу благородной шляхтѣ, а не-то раздавимъ копытами лошадей!»

Это относилось къ стоявшимъ купцамъ. Многіе повиновались.

«Дожили мы до черныхъ дней!» заговорилъ кто-то въ толпѣ: «Боже праведный, отпусти согрѣшенія наши!»

—Быть бѣдѣ еще горшей! сказалъ другой:—ужъ не даромъ, ономясь, мой своякъ, Петруха, видѣлъ на небѣ, часу во второмъ ночи, такія яркія звѣзды, что и не выскажешь!

«Ужъ давно бы такъ, козлы бородатые!» сказалъ другой Полякъ посторонившимся купцамъ: «ваши московскіе бояре, не вамъ

чета, длиннобородые, да и тѣ передъ нами не много поговариваютъ!»

Въ эту самую минуту одинъ довольнодородный дѣтина, повидимому изъ земледѣльцевъ, пробирался сквозь толпу купцовъ, важно заложилъ назадъ руки, прищурилъ правый глазъ, а другимъ, осматривая съ ногъ до головы Поляковъ, спросилъ: «а кто здѣсь большіе—мы али вы?»

—Ахъ ты, нечесаный Москаль! закричалъ одинъ Полякъ, оглядывая въ свою очередь высокорослаго Русскаго, —и ты еще смѣешь говорить намъ?

«А почему бы и не такъ?» отвѣчалъ сынъ земли русской, подходя ближе къ Полякамъ. «Вотъ какъ дамъ затрещину, такъ и не пикнешь, нехристь поганый».

— Полно, полно, Герасимычъ! говорилъ кто-то сзади, — ужъ вѣрно такъ угодно Богу!

Герасимычъ не отвѣчалъ на слова эти. Онъ подвинулся еще ближе къ Полякамъ, ругавшимся за слова его, а за нимъ и вся толпа.

«*На зламане карка!*» закричалъ старшій изъ Поляковъ, гремя саблею. Клянусь святымъ Барнабою, что не перенесу такого срама. Я искрошу тебя, Москаль, въ куски, зарублю тебя дерзкій!»

— Посмотримъ, посмотримъ чья возьметъ! отвѣчалъ хладнокровно Герасимычъ, не отступая ни на шагъ, и сжимая свой довольно-полновѣсный кулакъ.

Поляки видѣли, что толпа народа увеличивалась, и какъ бы одушевляемая неустрашимостію Герасимыча, была готова

на нихъ кинуться, почему рѣшились уступить. Они поворотили лошадей своихъ и, ругая Москалей, направили далѣе путь свой.

«Ай-да Герасимычъ, вотъ такъ это по-нашенски. Нечего говорить, хватъ, молодецъ, не струсилъ поганыхъ Ляховъ, этихъ поганыхъ нехристей!» говорили въ толпѣ народа. Но Герасимычъ этого не-слыхалъ,—онъ не шелъ но почти бѣжалъ по площади отъ Лобнаго мѣста въ ту сторону, куда поѣхали Поляки, опять остановившіеся. Многіе дивились бѣгу Герасимыча и никакъ не могли постигнуть причины. Но вотъ, что заставило его бѣжать такъ скоро.

Черезъ площадь переходила молодая дѣвушка. Ее остановили Поляки; Герасимычъ это увидѣлъ. Онъ, зная дерзость Ляховъ, рѣшился удалить отъ всякаго стыда красоту русской дѣвы.

«Божусь всѣмъ, даже будущими добычами и моими побѣдами!» говорилъ опьянѣлый Полякъ, соскочивъ съ лошади и остановивъ русскую дѣвушку, покраснѣвшую, какъ говорятъ наши добрые простолюдины, какъ кумачъ, «что каждый нашъ братъ, природный шляхтичъ, будетъ готовъ, Москаличка, ухаживать за тобою. Не краснѣй, миленькая, а лучше поцалуй меня!» продолжалъ дерзкій Ляхъ, шатаясь отъ излишняго употребленія русскаго напитка, и заграждая дорогу дѣвушкѣ, хотѣвшей предаться бѣгству. «Куда-жъ ты, красавица, погоди! Такіе лакомые кусочки вѣдь рѣдко попадаются!»

«Лакомъ кусъ, да не для твоихъ усъ!» закричалъ Герасимычъ, подбѣжавъ къ Поляку и заслоняя отъ него собою покраснѣвшую дѣвушку. «Убирайся, проклятый нехристь, прочь, а не то такого

дамъ раза, что вытаращишь глаза, да и небо-то покажется съ овчинку!»

—А ты зачѣмъ здѣсь, Москаль? твое ли тутъ дѣло? спросилъ Полякъ, пріударивъ по саблѣ, и нѣсколько, повидимому, измѣнившись, но желая показать видъ гордаго храбреца. Шапку долой и кланяйся мнѣ, въ ноги, а не то не пѣняй, дерзкій!

«Ахъ ты не простая свинья, гляди-ка еще и грозитъ!» говорилъ Герасимычъ, нарочно поправляя свою шапку. «Нѣтъ, Ляхъ, этого не бывать; чтобы я снялъ передъ тобою шапку: она снимается только передъ боярами русскими, и скорѣе ты полежишь у ногъ моихъ, нежели я поклонюсь тебѣ въ ноги».

—Зарублю на смерть, презрѣнный Москаль, если скажешь еще хоть одно

слово! закричалъ Полякъ въ бѣшенствѣ толкнувъ Герасимыча въ грудь.

Русскій отъ этого удара, довольно-сильнаго, не подался назадъ ни на полшага.

«Какъ! такъ ты еще дерешься! нѣтъ, окаянный, это не по-нашенски, а коли ужъ драться, такъ драться. По-нашенски вотъ какъ!» Герасимычъ такъ ударилъ Поляка, что тотъ, какъ подкошенный, ни мало не шатаясь, упалъ къ ногамъ его. Кровь хлынула изъ носу Ляха довольно-обильными ручьями, глаза закатились, смертная блѣдность покрыла лицо. Онъ страшно застоналъ и судорожно схватился за саблю. Въ эту минуту освобожденная Герасимычемъ дѣвушка убѣжала, а народъ толпами кинулся къ нему.—Двое другихъ Поляковъ, не полагая, чтобъ могло случиться подобное съ

ихъ товарищемъ, пробужденные какъ бы отъ сна, съ неистовою яростію закричали:

«Криминалъ! криминалъ!» завопили двое другихъ Поляковъ, и хотя были разъярены местью, но удерживались страхомъ, видя большое стеченіе Русскихъ. Они пришпорили своихъ коней, и оставили своего товарища лежащимъ на мѣстѣ.

Много и довольно-часто случалось въ то время подобныхъ сценъ въ столицѣ царства русскаго. Предоставимъ романистамъ рисовать ихъ, а мы обратимся къ исторіи.

Злой, коварный король польскій, Сигизмундъ, отправилъ изъ Смоленска низведеннаго съ престола царя Василія Іоанновича съ братьями въ Варшаву, гдѣ они, изнуренные тяжкою неволею, скончались въ темницѣ. Злодѣй же Тушинскій, видя Москву во власти Поляковъ, двинулся къ Калугѣ, гдѣ былъ убитъ княземъ *Петромъ Урусовымъ*, который омстилъ ему за смерть *Урасъ-Магмета*, коего Борисъ Годуновъ наименовалъ царемъ касимовскимъ. Жители Калуги провозгласили своимъ царемъ родившагося тогда отъ Марины сына *Ивана*. Начальникъ донскихъ казаковъ, *Заруцкій*, объявилъ себя также защитникомъ Марины и ея сына.

Бѣдствія Россіи не истреблялись. Въ плѣнной Москвѣ всѣ жители оной болѣе и болѣе начинали чувствовать власть ненавистныхъ Поляковъ. Наконецъ насту-

пило ужасное для Москвы 19 марта 1611 года. Злонамѣренные, хитрые, коварные Поляки въ этотъ день какъ бы рѣшились излить всю свою ярость на достойнаго патріарха и другихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Они для Москвы открыли зрѣлища ужасныя. «Начались убійства и кровопролитія», говоритъ исторія: «Iереи, иноки, старцы, юноши, жены, дѣвы и младенцы были умерщвляемы. Площади покрылись грудами мертвыхъ и умирающихъ; большая часть домовъ были преданы пламени; церкви и монастыри ограблены, поруганы и разрушены. Множество бояръ погибло въ сей ужасный день. Князь Димитрій Пожарскій, покрытый ранами, вынесенъ былъ изъ города вѣрными воинами. Провидѣніе сохранило жизнь его, нужную для Россіи. Патріархъ, коего Провидѣніе среди ужасовъ общаго кровопролитія также осѣняло Своимъ святымъ покровомъ, былъ

низложенъ съ святительскаго достоинства, и, облеченный въ простую ризу инока, заключенъ въ Чудовъ монастырь» (6). Вотъ какъ свято соблюдалъ договоры и вотъ какія притѣсненія дѣлалъ Сигизмудъ III въ Россіи.... Но всего этого было еще мало. Король шведскій, Карлъ IX, узнавъ, что всѣ войска, бывшія въ области Новогородской, пошли къ Москвѣ для поданія ей помощи, послалъ опять Делагардія съ войскомъ къ Новгороду, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ подать Россіянамъ помощь противъ Поляковъ, а между-тѣмъ приказалъ Делагардію предложить боярамъ и воеводамъ о выборѣ одного изъ его сыновей на престолъ царства русскаго. Переговоры начались. Карлу шведскому, какъ и Сигизмунду польскому въ этомъ случаѣ хотѣлось испытать свою удачу. Впродолженіе переговоровъ Делагардій успѣлъ войдти въ Новгородъ съ войскомъ, и занялъ

сный именемъ своего короля, такъ точно, какъ гетманъ Жолкѣвскій занялъ Москву.

Въ одно время страдали Москва и Новгородъ. Первая отъ Поляковъ, а второй отъ Шведовъ!

Сыны, любящіе Россію и видя ея несчастіе, начали думать о средствахъ прекращенія онаго. Первый, поданный къ сему поводъ, былъ отъ рязанскаго воеводы и думнаго дворянина Прокофія *Ляпунова*, который нѣкогда былъ главнымъ виновникомъ низложенія Шуйскаго съ престола, но теперь, какъ бы раскаивающійся, желалъ загладить свое преступленіе Вскорѣ составились дружины, явились начальники, и единодушно поклялись идти къ Москвѣ и истребить Поляковъ. Начальниками собравшихся дружинъ были: въ

Рязани — *Ляпуновъ*, въ Калугѣ — князь *Димитрій* Тимоѳеевичъ *Трубецкой* и съ донскими казаками атаманъ *Заруцкій*, опасный для Поляковъ по своей къ нимъ ненависти, и желавшій возвести на престолъ россійскій Марину и ея сына. Во Владимірѣ — князь Василій *Мосальскій* и *Измайловъ*, въ Суздалѣ — *Просовецкій*, въ Костромѣ — князь Ѳедоръ *Волконскій*, въ Ярославлѣ — *Волынскій*. въ Романовѣ — князь Ѳедоръ *Козловскій*.

Въ это же самое время оказали Россіи незабвенныя услуги келарь Троицкаго Сергіева монастыря Авраамій *Палицынъ* и архимандритъ *Діонисій*. Они въ разные города Россіи посылали свои молитвенныя грамматы, одушевляемыя любовію къ отечеству, черезъ которыя сзывали отвсюду Русскихъ на великій подвигъ освобожденія Россіи отъ враговъ. «Люди рус-

скіе, христіане православные!» писалъ Палицынъ, «Бога ради, положите подвигъ своего страданія, молитесь и соединяйтесь. Забудемъ всякое неудовольствіе, отложимъ его и пострадаемъ о единомъ спасеніи отечества; смилуйтесь надъ видимою, смертною его гибелью, да не постигнетъ и васъ смерть лютая!» Можно сказать, что Палицынъ есть одинъ изъ первыхъ мужей, которые спасли Россію отъ бѣдствій, постигшихъ ее въ началѣ XVII вѣка. Не считаемъ лишнимъ, но даже полагаемъ за необходимое, сказать здѣсь, прежде описанія дѣйствій, произведенныхъ грамматами Палицына, о происхожденіи сего миротворца. Авраамій Палицынъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, а знатнѣйшій изъ предковъ его былъ нѣкто рыцарь, именованный *панъ Иванъ Микулаевичъ*, выѣхавшій въ 1373 году изъ Подоліи въ службу къ великому князю Ди-

митрію Іоанновичу Донскому и прозванный *Палицею*, потому-что всегда ходил съ палицею весьма тяжелою, то-есть, какъ сказано въ родословной Палицыныхъ, вѣсомъ въ 1½ пуда. Въ концѣ XVI столѣтія Авраамій принялъ монашество въ Сергіевомъ монастырѣ, и проходя разныя послушанія, избранъ, наконецъ, въ келари монастырскіе. Сей чинъ почитался тогда важнымъ въ монастыряхъ; ибо кромѣ распоряженій церковныхъ и монашескихъ должностей, принадлежавшихъ собственно настоятелю, всѣ прочія монастырскія дѣла и учрежденія зависѣли отъ келаря. При царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ Авраамій сдѣлался извѣстенъ важными услугами Москвѣ и потомъ цѣлому отечеству. Ибо во время бывшаго тамъ 1609 году голода, нѣсколько разъ изъ монастырскихъ житницъ снабжалъ онъ бѣдныхъ хлѣбомъ; а во время осады города сего Поляками, онъ самъ находился въ

немъ и черезъ отписки въ Троицкій монастырь доставлялъ оттуда осажденнымъ порохъ и свинецъ. По низложеніи царя Василія Іоанновича, онъ съ митрополитомъ Филаретомъ Никитичемъ отправленъ былъ въ Польшу для переговоровъ о преемствѣ россійскаго престола; но замѣтивъ вредныя слѣдствія сего посольства и одно только притѣсненіе посланникамъ русскимъ, возвратился съ новоспасскимъ архимандритомъ Евѳиміемъ въ Россію, гдѣ нужнѣе была его помощь Король самъ далъ имъ проѣзжую грамату. Но Авраамій засталъ Москву, обуреваемую внутренними раздорами бояръ и почти уже преданную на жертву Полякамъ, вступившимъ въ оную. Въ сіе-то бѣдственное время онъ съ троицко-сергіевскимъ своимъ архимандритомъ Діонисіемъ отважился на такое предпріятіе, котораго успѣхъ казался совсѣмъ невозможнымъ. Они уговорили идти на избавленіе къ Москвѣ князя

Тюменскаго съ товарищами, и двухъ сотниковъ стрѣлецкихъ съ 200 стрѣльцовъ, присовокупивъ къ нимъ только 50 человѣкъ своихъ монастырскихъ слугъ; а между-тѣмъ разослали немедленно по всѣмъ россійскимъ городамъ къ боярамъ и воеводамъ просительныя грамматы о поспѣшеніи на помощь къ царствующему граду (7). О времени кончины Авраамія Палицына не извѣстно, и до нашего времени не было также извѣстно, гдѣ хранится священный прахъ сего великаго мужа. Полагали, что онъ погребенъ въ Троицкой Лаврѣ близъ архимандрита Діонисія. Когда же въ 1812 году, октября 11, по занятіи Москвы нашими войсками, генералъ-майоръ Иловайскій и князь А. А. Шаховской отправили нарочно въ Виѳанію къ митрополиту Платону, съ увѣдомленіемъ объ освобожденіи древней столицы отъ непріятелей, офицера *Палицына*, тогда іерархъ, узнавъ фамилію вѣстника,

тщетно спрашивалъ о мѣстѣ погребенія предка его Авраамія Палицына (8). Кто бы могъ подумать, что прахъ Палицына и другихъ его сподвижникомъ, троицкихъ монаховъ, опочиваетъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ царь казанскій Симеонъ окончилъ въ монашествѣ дни свои и гдѣ въ ризницѣ хранятся *мечи Скопина-Шуйскаго и Пожарскаго*, коими защищали они свое отечество и разили враговъ его (9). Сіе открытіе первый сдѣлалъ намъ архимандритъ сей обители, Досиѳей, издавшій описаніе оной.... Но могила Палицына не найдена; вѣроятно, ее должно искать на старомъ братскомъ кладбищѣ въ Соловецкомъ монастырѣ, которое назадъ тому лѣтъ 20-ть, засыпали бутомъ аршина на два. Что же касается до доказательствъ, что въ монастырѣ этомъ дѣйствительно провелъ послѣдніе годы жизни и погребенъ одинъ изъ великихъ сподвижниковъ за спасеніе Россіи, мужъ, незабвенный

въ исторіи, то сіе подверждаютъ многіе неоспоримые памятники, найденные въ книгохранилищѣ.... Въ 30 верстахъ отъ Троицкой Лавры, въ Переславскомъ уѣздѣ, находится въ сторонѣ отъ углиской дороги сельцо *Рожественно Пустое* и въ немъ старинная деревянная церковь. Сіе помѣстье издревле принадлежало Палицынымъ и получило прозваніе—*Пустое* отъ того, что Поляки въ 1611 году *опустошили* св. храмъ похищеніемъ мѣстной иконы Рождества Пресвятыя Богородицы (10).

Прервавъ нить нашего сказанія обращеніемъ къ доблестному Палицыну, смѣемъ надѣяться, что такое отступленіе ни мало не лишнее. Оно займетъ каждаго, истинно-Русскаго, свято почитающаго память мужей, пекшихся о благѣ Россіи! А Палицынъ не былъ ли почти изъ числа

первыхъ во время бѣдственнаго состоянія Россіи въ началѣ XVII вѣка, въ то время, когда внѣшніе враги, внутренніе раздоры, смуты бояръ и совершенное безначаліе угрожали неизбѣжною гибелью землѣ русской!

Поляки скоро узнали въ Москвѣ о собраніи войскъ и ихъ намѣреніи. Измѣнникъ Михайло Салтыковъ и польскій воевода *Госѣвскій* начали принуждать патріарха Гермогена и вѣрныхъ бояръ писать къ королю Сигизмунду, чтобы онъ, не медля, отпустилъ въ Москву сына своего Владислава, о чемъ также приказывали и нашимъ посламъ, содержавшимся въ Смоленскѣ, чтобъ они съ своей стороны просили объ этомъ короля; а къ Ляпунову и другимъ воеводамъ о томъ, дабы они къ Москвѣ не приступали, но дождались бы окончанія дѣла, и положась на обѣщанія Сигизмунда, присягнули бы королевичу Владиславу, какъ царю русскому. Но непоколебимый Гермогенъ, не взирая на всѣ принужденія и угрозы Поляковъ, мужественно отвергъ всѣ ихъ повелѣнія Злодѣи всю злобу свою обратили на Гермогена. Они взяли его изъ патріаршаго двора и отдали подъ

стражу въ Чудовъ монастырь, гдѣ этотъ истинный сынъ отечества и церкви провелъ послѣдніе часы своей жизни въ молитвѣ и, томимый голодомъ, скончался 17-го февраля 1612 года. На патріаршій престолъ послѣ добродѣтельнаго и доблестнаго Гермогена былъ возведенъ *Игнатій*. Къ королю польскому отъ измѣнника Салтыкова и его соумышленниковъ, за ихъ подписью, была послана граммата, черезъ которую просили его прислать на царство Владислава.

Между-тѣмъ, грамматы, разсылаемыя изъ Троицкаго монастыря, имѣли успѣхъ. Собравшіяся дружины дѣйствовали противъ непріятеля и одерживали побѣды. Но въ то же самое время, когда князь Трубецкой пришелъ къ Москвѣ и сражался съ Поляками, онъ занялъ Бѣлый городъ, а оставшихся непріятелей осадилъ въ Китаѣ городѣ. Гетманъ Сапѣга отступилъ

съ войсками къ Переславлю-Залѣсскому. Изъ Казани и понизовыхъ городовъ пришли новыя войска. Начальниками были избраны князь Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій. Но возникшее между ними несогласіе прекратило весь успѣхъ противъ непріятелей. Ктому-же казаки Заруцкаго предавались чрезмѣрному своевольству и грабительству. Ими былъ убитъ Ляпуновъ, а это самое произвело то, что другіе начальники, опасаясь того же, отступили отъ Москвы, оставивъ тамъ одного князя Трубецкаго. Поляки, бывшіе въ осадѣ, получили помощь отъ гетмана Сапѣги, пришедшаго изъ Переславля-Залѣскаго, а также и отъ гетмана *Хоткѣвича*, прибывшаго изъ Польши. Усиленные Поляки овладѣли частію Бѣлаго города. Войска князя Трубецкаго были осаждены. Въ это же время архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, по совѣту многихъ бояръ, находившихся въ монас-

*

тырѣ, опять послали грамматы въ разные города. Доблестный Палицынъ, думая о судьбѣ Москвы, горько плача, часто говорилъ: «кто не восплачетъ и не возрыдаетъ, и теплыхъ слезъ источники не пролiетъ, если и каменносердеченъ и жестокосердъ, о великомъ семъ царствующемъ градѣ, который прежде былъ толико высокъ, великъ и прекрасенъ, любезенъ въ очiю зрящихъ его, и благочестивыми и великими царями царствуемъ и обладаемъ былъ; и не токмо крѣпкими и высокими стѣнами, но и крѣпкими оруженосцами и храбрыми ратоборцами и премудрыми мужами огражденъ былъ; паче же святыми церквами и многоцѣлебными мощами святыхъ процвѣталъ, и молитвами ихъ, отъ Вседержащаго укрѣпляемъ, возрасталъ, возвышался, и отъ многихъ государевъ покланяемъ, богатствомъ, и многонароднымъ множествомъ, и великимъ, не только въ Россiи, но и въ ближнихъ и даль-

нихъ государствахъ прославляемъ и удивляемъ былъ, какъ новый Римъ! И какъ, толико былъ предивенъ, во единъ часъ палъ, огнемъ и мечемъ потребленный?

Но не однѣ эти жалобы были слышны отъ Авраамія. Нѣтъ, его уста произнесли первый гласъ спасенія: онъ и архимандритъ Діонисій писали въ грамматахъ своихъ. «Люди русскіе, христiане православные! Бога ради, положите подвигъ своего страданія, молитесь и соединяйтесь! Знайте, что ко всякому дѣлу едино время надлежитъ; безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ. Забудемъ всякое неудовольствіе, отложимъ его, и пострадаемъ о единомъ — спасеніи отечества. Смилуйтесь надъ видимою, смертною его гибелью, да не постигнетъ и васъ смертьлютая! Сами зрите близкую всѣхъ христіанъ гибель. Чѣмъ не завладѣли враги,

и чего не разорили? Гдѣ наши святыя церкви? Гдѣ Божіи образа? Гдѣ иноки, многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ нашъ народъ христіанскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончались? Гдѣ безчисленное во градахъ и селахъ населеніе? Не всѣ ли безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены? Не пощадили враги престарѣвшихся возрастомъ, не сжалились на сосавшихъ млеко младенцевъ не злобивыя души—всѣ мы, всѣ испытали чашу ярости и гнѣва Божія!»

Эти заклинательныя, молитвенныя воззванія къ вѣрнымъ сынамъ Россіи, хотя и производили во многихъ рвеніе на защиту роднаго отечества, но при всемъ этомъ не получали желаемаго успѣха. Но наконецъ, скажу словами одного нашего

писателя, «въ ту самую рѣшительную минуту, когда все казалось погибшимъ. Провидѣніе послало нашему отечеству помощь съ такой стороны, съ каковой око смертнаго не усматривало ее. Это былъ *избранный отъ всея земли русскія человѣкъ, Козьма Миничъ Сухорукой*, по торговлѣ *мясникъ*, въ Нижнемъ-Новгородѣ. — «Онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ», говоритъ одинъ современный, извѣстный нашъ писатель, «и этотъ человѣкъ, захотѣлъ разрушить то, что уже десять лѣтъ устроивали политика папы и езуитовъ, сила Польши, измѣна, хищеніе — возстановить русское царство, вырвать Москву изъ рукъ варваровъ, избрать царя отечеству, и тяжкій жребій Россіи перебросить на главу Польши!»

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по свидѣтельству келаря Авраамія Палицына, сильнѣе всѣхъ воспылали ревностію сердца на-

рода и граждан—«*крѣпцѣ ятася за священное писаніе*».—И вотъ, съ наступленіемъ одного дня, говоритъ онъ, толпы народа зашумѣли, какъ бурное море, и спѣшили на городскую площадь. Вокругъ Лобнаго мѣста тѣснились и бояре, и простолюдины, и именитые граждане, и люди ратные. На лицѣ каждаго изображалось ясно ожиданіе чего-то важнаго, необыкновеннаго! Но вдругъ народъ зашумѣлъ еще болѣе и обратился въ ту сторону, откуда показался видный, осанистый собою человѣкъ среднихъ лѣтъ. Это былъ Козьма Минычъ Сухорукой. Онъ, взошедши на Лобное мѣсто, оборотился къ соборнымъ храмамъ, трижды набожно перекрестился и низко поклонился на всѣ стороны. На площади воцарилось глубокое молчаніе. — «Граждане нижегородскіе! началъ безсмертный Мининъ, вѣдаете вы, что отечество погибаетъ; злодѣи наши торжествуютъ, сыны Россіи

страждутъ. Царя мы болѣе не имѣемъ; онъ сверженъ съ престола и томится въ оковахъ въ землѣ чуждой; клятвопреступный Сигизмундъ, врагъ нашъ, предлагаетъ сына своего на царство; уже престольнымъ градомъ обладаютъ Поляки; великій Новгородъ въ рукахъ Шведовъ; святыня поругана, храмы расхищены; первосвященникъ церкви нашея умученъ гладомъ; своевольство бояръ и наглость непріятелей выходятъ изъ предѣловъ!... Скоро, скоро затмится слава предковъ нашихъ, и имя Россіи исчезнетъ изъ памяти народовъ!... И мы будетъ взирать на сіе равнодушно, и мы переживемъ заключеніе отечества, не отмстивъ за стонъ и слезы, за поруганіе и кровь своихъ собратій?... Нѣтъ! не попустимъ болѣе кичливымъ врагамъ превозноситься гнусными дѣяніями. Время намъ расторгнуть узы ихъ и свергнуть ненавистное иго!... Поспѣшимъ, о други! поспѣшимъ

на избавленіе царствующаго града, совокупимся всѣ въ ратное ополченіе, изберемъ искуснаго вождя, и будемъ молить Всеблагое Провидѣніе о ниспосланіи успѣха предпріятію нашему! И если должно будетъ оказать пособіе ратнымъ, снабдить ихъ оруженіемъ и доставить продовольствіе, — словомъ, если для сихъ потребностей и другихъ нуждъ военныхъ должно будетъ пожертвовать всякому частію своего имущества, то не пощадимъ ничего,—все принесемъ отечеству; продадимъ домы свои, заложимъ женъ и дѣтей, только бы спасти погибающее отечество и отмстить лютымъ врагамъ за пролитую кровь нашихъ родныхъ, друзей, ближнихъ. Богъ благословитъ наше предпріятіе».... Такъ говорилъ Мининъ, такъ воодушевлялъ онъ народъ и гражданъ, такъ двигалъ сердца и умы ихъ! Слова Минина *были любы* имъ. Начался говоръ народный. «Сыщемъ себѣ до

блестнаго человѣка», говорилъ Сухорукой, «закабалимъ ему себя головами, пусть онъ предводитъ насъ *положить головы* за вѣру православную! Зачѣмъ о побѣдѣ думаете?» — Станемъ первые мы, станемъ съ благословенiемъ Бога, и будетъ у насъ все, и люди и деньги! — Вотъ все, что имѣю я!» продолжалъ знаменитый Мининъ, бросивъ на Лобное мѣсто мѣшокъ съ деньгами — «и съ сего часа я и всѣ мы, граждане нижегородскiе, должны принадлежать земскому дѣлу и всей землѣ русской!»

«Все, все, отдадимъ мы! Всѣ умремъ за вѣру православную, за царство русское!» кричали тысячи голосовъ. Когда все умолкло, Мининъ предложилъ народу прежде всего избрать вождя, и указалъ на князя Димитрiя Михайловича Пожарскаго. Весь народъ и граждане были согласны на все. Составился приговоръ,

гдѣ между прочимъ было сказано «быть имъ ему, Козьмѣ, во всемъ послушливымъ и покорнымъ, и если потребно будетъ, взять ихъ всѣхъ, продать ихъ женъ и дѣтей».—Приговоръ этотъ былъ подписанъ и учинена присяга въ исполненіи его. Минина назвали: *избраннымъ отъ всея земли русскія человѣкомъ.* Къ нему несли деньги и имѣніе.

Вскорѣ за симъ Мининъ отправился въ деревню *Нижній Ландехъ*, гдѣ тогда жилъ князь Пожарскій Онъ нашелъ сего героя на одрѣ болѣзни и излечивавшаго раны, полученныя въ битвахъ съ непріятелемъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о сподвижникѣ Минина. Надѣемся, что такое отступленіе не есть лишнее.

Князь *Димитрій Михаиловичъ Пожарскій*, стольникъ, оказалъ большія услуги, какъ во времена царствованія Шуйскаго, такъ и междоцарствія. Онъ въ первый разъ отличился при Коломнѣ, куда былъ посланъ съ войскомъ противъ Поляковъ. Разбивъ ихъ предводителя Хмѣлевскаго, онъ взялъ непріятельскій обозъ и множество запасовъ и истребилъ разбойническую шайку хотунскаго мужика *Салкова*, производившаго грабежи и разбои и соединившагося съ Поляками. Въ то время, когда князь Пожарскій находился въ Зарайскѣ со ввѣреннымъ ему войскомъ, тогда Прокофій Ляпуновъ писалъ къ нему, чтобъ онъ отложился отъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго и согласился съ нимъ дѣйствовать противъ него; но вѣрный Пожарскій отвергнулъ

это предложеніе и послалъ письмо Ляпунова къ Шуйскому. Во время же присяги нѣкоторыхъ городовъ Тушинскому вору и убѣжденія жителями Зарайска Пожарскаго къ тому же, онъ съ малымъ числомъ войска, держась въ крѣпости, рѣшился лучше умереть, нежели измѣнить царю Василію. Послѣ Шуйскаго, когда въ нѣкоторыхъ городахъ собрались дружины и приняли намѣреніе освободить отечество отъ непріятей, и когда Черкезы осадили въ Пронскѣ Прокопія Ляпунова, тогда Пожарскій поспѣшилъ къ нему на помощь изъ Зарайска. Непріятели отступили отъ Пронска и пошли къ Михайлову, откуда, подступя къ Зарайску, взяли ночью острогъ. Пожарскій отбилъ непріятеля. Наконецъ, когда Салтыковъ началъ съ Поляками притѣснять Москву, тогда Пожарскій вмѣстѣ съ другими воеводами, стоявшими подъ Москвою, сражался съ мятежниками на ули-

цахъ московскихъ и прогналъ ихъ въ Кремль. Онъ храбро защищалъ свое укрѣпленіе у Срѣтенскихъ воротъ, нынѣ церковь Введенія Богородицы, и былъ весьма тяжело раненъ. Больной Пожарскій былъ привезенъ въ Троицкій монастырь, откуда отправился въ деревню, находившуюся близъ Нижняго-Новгорода. Здѣсь-то нашелъ его Мининъ; здѣсь этотъ простой витія-гражданинъ представилъ больному князю бѣдственное положеніе нашего отечества, и умолилъ именемъ всей земли русской принять начальство надъ ополченіемъ нижегородскимъ. — Пожарскій позабылъ свои раны; онъ склонился на прошеніе Минина. «Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ!» говорили Мининъ и князь Пожарскій. «Мужаемся и укрѣпимся о людяхъ нашихъ, и о градѣхъ Бога нашего, и Господь сотворитъ благое предъ очима Своима!» говорилъ князь Димитрій Михайловичъ.

**

Вскорѣ къ Пожарскому отправились архимандритъ Печерскаго Нижегородскаго монастыря Ѳеодосій, и именитые граждане нижегородскіе. «Стань за православную вѣру и за московское государство!» говорили пришедшіе. Пожарскій плакалъ, обнималъ пришедшихъ и обѣщалъ не щадить живота.

Вѣсть о возстаніи Нижегородцевъ скоро распространилась всюду. Пожарскій явился въ Нижній-Новгородъ, откуда начали разсылаться грамматы во всѣ города. «Въ наше безгосударное время», писали Мининъ и Пожарскій въ своихъ грамматахъ», отдали мы души свои Богу, идите принять вѣнецъ нетлѣнный и спасти отечество!» — По призыву этому вооружились Смоляне, убѣжавшіе въ Арзамасъ, Коломенцы, Рязанцы, жители Балахны, Юрьева, Кинешмы, Костромы, Плеса и Суздаля.—Сборное мѣсто воинства было

назначено въ Ярославлъ. Но въ это самое время, когда въ Нижнемъ собирались и вооружались на защиту и освобожденіе царства русскаго, изъ Ярославля было прислано извѣстіе, что Заруцкій прислалъ туда отряды казаковъ, чтобъ захватить городъ и предупредить соединеніе войскъ нижегородскихъ съ ярославскими. Пожарскій предупредилъ этотъ злодѣйскій умыселъ. Онъ послалъ къ Ярославлю отрядъ войска и этимъ разрушилъ намѣреніе Заруцкаго. — Наконецъ Пожарскій и Мининъ, положа надежду на Бога, выступили въ походъ. Во время этого пути много ратныхъ людей присоединилось подъ хоругвь князя Димитрія Михайловича. Въ Ярославлѣ Пожарскій узналъ о безпорядкахъ войскъ, стоящихъ подъ Москвою, и о злодѣйскихъ поступкахъ Заруцкаго, казаки котораго производили сильные разбои. Участь Ляпунова, убитаго черезъ Заруцкаго, за-

ставила Пожарскаго остерегаться. Казалось, само Провидѣніе хранило сего князя. Онъ изъ Ярославля писалъ въ разные города грамматы, описывая въ нихъ безпорядки войскъ, находящихся подъ Москвою, поступки Заруцкаго и просилъ о поданіи помощи. Пожарскій также писалъ и въ Новгородъ къ тамошнему митрополиту *Исидору*, боярину князю *Одоевскому* и къ *Делагардію*. Онъ просилъ о единодушіи жителей съ другими областями Россіи, прибавляя Делагардію, чтобы онъ позволилъ свободно идти къ Москвѣ и прогнать Поляковъ. Такіе переговоры заставили думать Делагардія, что Русскіе желаютъ очистить Кремль и тронъ для брата шведскаго короля Густава-Адольфа.

Князь Трубецкой, стоявшій подъ Москвою, по прибытіи Пожарскаго въ Ярославль, писалъ къ Троицкому архиманд-

риту Діонисію и Палицыну, чтобы они просили вождя нижегородскаго ополченія скорѣе выступить къ Москвѣ. Иноки писали о семъ къ Пожарскому, но слѣдующій злодѣйскій умыселъ невольно заставилъ Пожарскаго медлить въ Ярославлѣ. Злодѣй Заруцкій, считая Пожарскаго явнымъ врагомъ, послалъ убійцъ зарѣзать его. Но само Провидѣніе, казалось, хранило сего князя. Посланные убійцы, пришедши въ Ярославль, долго искали удобнаго случая для свершенія своего злодѣйства. Наконецъ оный представился. Однажды, когда Пожарскій смотрѣлъ одинъ изъ отрядовъ, отправлявшихся подъ Москву, убійца, пользуясь народною тѣснотою, кинулся на него съ ножемъ, промахнулся и поразилъ товарища, который въ это время занялъ Пожарскаго разговоромъ, и держалъ его за руки. Это ужаснуло всѣхъ. Убійцу схватили, узнали отъ него весь умыселъ, и народъ хотѣлъ отмстить

ему. Но Пожарскій спасъ жизнь убійцы. Рѣдкій, неподражаемый примѣръ снисходительности! Князь Трубецкой вторично писалъ въ Троицкій монастырь, увѣдомляя, что Хоткевичъ идетъ подъ Москву съ набраннымъ, вновь-устроеннымъ войскомъ, Авраамій самъ отправился въ Ярославь. Онъ именемъ Бога и отечества умолялъ Пожарскаго и Минина выступить немедленно въ походъ, не взирая на распри воеводъ и безпорядки воинства, стоящаго подъ Москвою. Слова добродѣтельнаго инока произвели желаемое дѣйствіе. Войско стало готовиться къ походу. Но прежде себя князь Пожарскій послалъ въ Москву два отряда—первый подъ предводительствомъ воеводъ *Дмитріева* и *Левашева*, и велѣлъ оному по прибытіи въ Москву сдѣлать укрѣпленіе у Петровскихъ воротъ, а другой,—подъ командою брата своего князя Димитрія Петровича *Пожарскаго* и *Самсонова*, которому приказано

стать у Тверскихъ воротъ. Вскорѣ за сими отрядами выступилъ и самъ князь Димитрій Михайловичъ. Онъ, поручивъ войска вести князю Ивану Андреевичу Хованскому и Минину, самъ съ небольшимъ отрядомъ отправился въ Суздаль. Здѣсь въ Спасо-Еѳиміевскомъ монастырѣ, на родовомъ кладбищѣ, при гробахъ родителей, Димитрій Михайловичъ хотѣлъ укрѣпить молитвами свою душу.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ И НИЖЕГОРОДСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ МИНИНЪ.

КНЯЗЬ
ПОЖАРСКІЙ
И
НИЖЕГОРОДСКІЙ
ГРАЖДАНИНЪ
МИНИНЪ,
ИЛИ
ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ
ВЪ 1612 ГОДУ.
ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ
XVII ВѢКА.

Въ двухъ частяхъ

Изданіе 2-е безъ перемѣнъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи Степановой.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15 марта 1852 г.

Цензоръ Д. Ржевской.

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ
И
МИНИНЪ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, надъ гробами своихъ родителей принеся молитвы Творцу вселенныя, выѣхалъ изъ Суздаля. Онъ отправленное имъ войско застигъ въ Ростовѣ, откуда 1-го августа 1612 года оное пришло къ Троицкому монастырю. Здѣсь опять оказалась медленность и послышался ропотъ. Одни изъ воиновъ съ охотою шли въ Москву, а другіе не хотѣли и отговаривались тѣмъ, что

князя Димитрія Михайловича казаки могутъ убить такъ же, какъ убили Ляпунова. Въ это время изъ-подъ Москвы убѣжалъ Заруцкій, взявъ съ собою Марину Мнишекъ и ея сына. По дорогамъ къ городу Михайлову онъ, какъ открытый врагъ, грабилъ и разорялъ жителей. Голоса разнились. Трубецкой спорилъ съ княземъ Пожарскимъ о власти, о первенствѣ. Между-тѣмъ опасность увеличивалась: гетманъ Хоткѣвичъ приближался къ Москвѣ. Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій прибѣгли къ увѣщаніямъ. Они прекратили ропотъ воинства, которое рѣшилось идти, предоставивъ будущее на волю Провидѣнія. 18-го августа выстроились дружины Минина и Пожарскаго. Было совершено молебствіе. Колѣнопреклоненные вожди и воины со слезами молились преподобному Сергію о спасеніи Россіи. Наконецъ войско устроилось въ ряды и двинулось. Архимандритъ Діони-

сій, келарь Палицынъ, иноки обители съ образомъ Троицы, съ крестами, хоругвями и другими иконами, стояли на горѣ Волкушѣ и окропляли святою водою воиновъ, идущихъ мимо ихъ сомкнутыми рядами.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ случаѣ, который передала намъ исторія.

Очень естественно, что многіе изъ воиновъ, а быть-можетъ и большая часть, пошедши, чувствовали робость и были исполнены боязни: въ эту минуту ихъ страха вѣтеръ началъ дуть противный, въ лица прямо отъ Москвы. Но когда благочестивые иноки стали войско кропить святою водою, тогда вѣтеръ обратился на Москву. «Съ нами Богъ!» восклицали дружины, «святый Сергій помощникъ нашъ!»

19-го августа князь Пожарскій остановилъ войско свое у рѣки Яузы, не до-

шедъ за нѣсколько верстъ до Москвы, и 20-го августа съ восходомъ солнца повелъ его къ Москвѣ. Келарь Палицынъ былъ вмѣстѣ съ Пожарскимъ. Хотя князь Трубецкой, кочевавши съ своими полками въ полуопустошенномъ таборѣ, и встрѣтилъ Пожарскаго съ радостію, но искренности между ими видно не было. Пожарскій не рѣшился соединить свои полки съ полками Трубецкаго, привыкшими къ своеволію, безчинству. Князь Димитрій Михайловичъ, не переходя рѣки Москвы, разставилъ свои войска по Арбату, у Пречистенскихъ воротъ, тогда называвшихся Чертольскими, и за стѣною Бѣлаго, или Царева города. Приходъ гетмана Хоткѣвича, шедшаго также къ Москвѣ, по Смоленской дорогѣ, князь Пожарскій предупредилъ только однимъ днемъ. Хоткѣвичъ остановился на Поклонной горѣ, а на другой день двинулся къ рѣчкѣ Сѣтуни и на Воробьевы горы.

Наступило 22-е августа 1612 года— первый день битвы Русскихъ съ Поляками. Въ Стрѣлецкой слободѣ, что нынѣ Замоскворѣчье, стояли полки князя Трубецкаго (отъ Донскаго монастыря къ Крымскому броду), составленные изъ буйныхъ казаковъ, пришедшихъ къ Москвѣ не столько для ея защиты, сколько грабежа.... «*Многое раззореніе христіяномъ творяху, и грабежи и убійства вездѣ содѣваху, и кто можетъ изрещи злое то насиліе ихъ, и сія бѣда послѣдняя быстъ горше первыя* (нашествія Поляковъ), *а смирити и унята ихъ невозможно, собрася бо казаковъ сихъ множество, и бытъ мятежъ сей и насиліе по всей земли*», говоритъ *лѣтопись* о казакахъ, которые были въ войскѣ князя Трубецкаго. Духъ мятежа и своевольства видѣнъ былъ въ рядахъ ихъ. Необузданные казаки, казалось, не знали и самой подчиненности. Между ними раздавались пѣсни, шумъ и происходила по-

пойка. Но въ отдаленіи отъ сихъ разгульныхъ удальцовъ стояло около 500 всадниковъ, въ числѣ коихъ также видно было много казаковъ. Порядокъ и тишина, бывшая между ними, а также видимая подчиненность къ старшинамъ, ясно доказывали, что этотъ небольшой отрядъ не принадлежалъ къ толпамъ князя Трубецкаго. И справедливо: эти воины принадлежали къ войску князя Пожарскаго, который отрядилъ ихъ въ таборъ Трубецкаго по просьбѣ сего князя.

Гетманъ Хоткѣвичъ двинулся не на Трубецкаго, но на дружины князя Пожарскаго. Въ день битвы, 22-го августа, Поляки переправились подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ. Конница ихъ разсѣялась по Дѣвичьему полю. Послышались громовые выстрѣлы изъ пушекъ, завязался бой ужасный. Поляки со всею жестокостію нападали на Русскихъ, происходилъ бой от-

чаянный, кровопролитный. Въ то же время была сдѣлана вылазка изъ Кремля. Нападенія Хоткѣвича на дружины нижегородскія были яростныя, ужасныя. Войска Пожарскаго начинали утомляться, слабѣть. Онъ приказалъ спѣшиться всей конницѣ и дружно наступить на непріятеля. Трубецкой не двинулся на помощь. «Богаты изъ Ярославля пришли, сами отстоятся!», говорили воины его. Отрядъ Пожарскаго состоявшій изъ отборныхъ воиновъ и посланный къ Трубецкому съ тѣмъ, чтобы ударить съ нимъ въ бокъ непріятелю, просился на битву. Изъ табора Трубецкаго его не пускали. Поляки начали обходить Пожарскаго и смяли отрядъ его, стоявшій у Тверскихъ воротъ. Старшины казаковъ, отряженныхъ къ Трубецкому, не стали ждать болѣе: они рѣшились подать помощь Пожарскому и самовольно кинулись въ бой. Опрокинувъ нѣсколько пѣхотныхъ регментовъ (пол-

ковъ), они врѣзались въ самую средину сторожевыхъ полковъ непріятельскихъ. Этотъ примѣръ храбрости и желанія пролить свою кровь за отечество, увлекъ и многихъ изъ воиновъ князя Трубецкаго. Это были казацкіе атаманы: *Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ.* Ихъ останавливали Трубецкой и другіе. «Отъ вашей между собою нелюбви, ратнымъ людямъ пагуба стоновится!», говорили атаманы, врѣзываясь въ ряды Поляковъ. Ослабѣвающее войско Пожарскаго, получивъ такое подкрѣпленіе, ударило съ новымъ мужествомъ на непріятеля. — Поляки дрогнули, побѣжали. Побѣда была на сторонѣ Пожарскаго. Гетманъ Хоткѣвичъ, отступая въ безпорядкѣ за Москву рѣку, сталъ у Поклонной горы. Наступила ночь. Такъ Пожарскій отразилъ первое нападеніе Поляковъ!

Безпечность князя Трубецкаго прино-

сила вредъ большой. Его воины не могли даже предупредить и того, что между ними. при помощи измѣнника, *Григорья Орлова*, ночью на 25-е августа пробралось въ Кремль 600 польскихъ всадниковъ. Гетманъ Хоткѣвичъ сдѣлалъ планъ новаго нападенія: онъ шелъ берегомъ Москвы рѣки и переходилъ на дороги— Калужскую и Серпуховскую, ведя съ собой обозы запасовъ, и имѣя намѣреніе сбить Трубецкаго, дабы открыть сообщеніе съ Кремлемъ, гдѣ въ припасахъ чувствовали большой недостатокъ.—Со стороны Русскихъ въ этотъ день, августа 23-го, также готовились къ бою. Угрожавшая всѣмъ погибель сдѣлала друзьями князей Пожарскаго и Трубецкаго. Отъ Донскаго монастыря, гдѣ стала конница Трубецкаго, употребляя всю скорость, былъ насыпанъ земляной валъ. Все пространство, ведущее къ Кремлю, было укрѣплено *острожками*, или крѣпостцами:

одна изъ таковыхъ была на *Ордынкѣ*, у церкви Св. Екатерины Мученицы, вторая на *Пятницкой*, у церкви Климента, Папы Римскаго; третья *на берегу Москвы рѣки*, у церкви Св. Георгія въ Яндовахъ. Эта была подъ защитою князя Трубецкаго. Отъ Пятницкой къ Москвѣ рѣкѣ тянулась конница князя Пожарскаго, гдѣ стоялъ онъ самъ съ пѣхотою, а отъ Москвы рѣки, въ Малыхъ Лужникахъ, къ Ордынкѣ, стояла пѣхота князя Трубецкаго.

Рано утромъ, августа 24-го дня, изъ Китая города выступилъ непріятель. Онъ, перешедши черезъ Москву рѣку, ударилъ на крѣпосцу, находившуюся при церкви Георгія въ Яндовахъ, и занялъ оную. Изъ-за Донскаго монастыря выступилъ гетманъ Хоткѣвичъ. Бой завязался. Въ непріятельскомъ войскѣ правымъ крыломъ начальствовалъ *Станиславъ Конецпольскій* и *атаманъ Ширай*, конницею — *Сборовскій*,

пѣхотою — *Невѣровскій и Грасвскій*, а крыломъ лѣвымъ —*Вазичинскій и Корецкій*. Самъ князь Димитрій Михайловичъ, со всѣмъ мужествомъ и неустрашимостію храбраго воина, сражался въ битвѣ кровавой, когда конница Трубецкаго не выдержала сильнаго нападенія конницы польской Примѣръ вождя одушевлялъ воиновъ. Его пѣхота сомкнулась и погнала Поляковъ. Хоткѣвичъ также самъ лично повелъ свою пѣхоту. Битва, хотя и рукопашная, но была смертельная. Остервененіе было самое ужасное Не уступалъ никто.—Крѣпостца у церкви Св. Климента была стѣснена отвсюду. Сидѣвшіе въ ней предались бѣгству; Поляки ворвались въ крѣпостцу. Но Русскіе, какъ бы устыдясь бѣгства, воротились. «Битва сдѣлалась наконецъ безпорядочнымъ побоищемъ», говоритъ одинъ нашъ историкъ-писатель, изъ котораго приведемъ мы описаніе битвы 24-го августа 1612 года,

битвы, отъ послѣдствія которой зависѣла участь не только Москвы, но, можетъ-быть, и всего царства русскаго». Гетманъ укрѣпился на Ордынкѣ; безпорядокъ битвы умножали еще обозы съ запасами, которые Поляки старались провезти въ Кремль. Главный натискъ непріятеля выдержалъ Пожарскій. Войско Трубецкаго не хотѣло сражаться болѣе, отступало влѣво отъ Пятницкой, и спѣшило переправляться черезъ Москву рѣку. Въ отчаяніи прислалъ Пожарскій въ таборъ свой—вывести послѣднихъ воиновъ. Тутъ на горѣ, у Ильи Обыденнаго, была главная его ставка: передъ нею собралось духовенство и находился Авраамій. На налояхъ въ кіотахъ поставлены были тутъ образа Св. Троицы, Богоматери, Св. Сергія и Никона. Духовенство непрестанно отправляло молебное пѣніе, молилось со слезами, и съ трепетомъ смотрѣло на обширное Замоскворѣчье, гдѣ въ виду его

рѣшалась участь русской земли, и братья проливали кровь за отечество. Среди обширныхъ пустырей, заросшихъ высокою травою, и при Климентовскомъ острожкѣ стояли еще воины Трубецкаго; Пожарскій отбивалъ непріятеля отъ Москвы рѣки, и не пропускалъ обозовъ въ Кремль. Но непріятель совершенно уже очистилъ все пространство отъ Ордынки къ Крымскому броду, и поставилъ тамъ подлѣ моста сильный отрядъ. Главное войско Трубецкаго было совершенно сбито вправо и переходило за Москву рѣку, въ Таганку. Въ пылу, въ дыму—то скрывались, то являлись сражавшіеся. Присланный за послѣднимъ войскомъ былъ князь Димитрій Петровичъ Пожарскій-Лопата. Онъ обратился поспѣшно къ Авраамію, и сказалъ, что его зоветъ къ себѣ князь Пожарскій. Авраамій не побоялся идти въ пылъ битвы, и сопровождаемый воинами, спѣшилъ къ изнемогавшему вождю русскихъ дру-

жинъ. Онъ увидѣлъ его и Минина среди жаркаго, отчаяннаго боя. «Отецъ Авраамій! погибаемъ! возопилъ Пожарскій, «смотри: Трубецкой отступаетъ! иди къ нему, ради Бога, моли, да вспомнятъ воины его страхъ Божій и клятву свою!» — Авраамій не слушалъ ничего болѣе: забылъ старость, не страшился смерти, пошелъ поспѣшно, и прежде всего настигъ смятенныя толпы воиновъ Трубецкаго, еще державшіяся на Пятницкой. «Дѣти!» воскликнулъ онъ, «люди православные, люди русскіе! остановитесь. Не вы-ли начали дѣло доброе, не вы-ли первые пришли подъ Москву, стали за отчизну, стали за вѣру православную, и терпѣли раны, голодъ, наготу, и прослыли въ иныхъ земляхъ храбростію и мужествомъ? Нынѣ-ли братія, добрыя начатія свои погубить хотите?» — Слезы прерывали слова старца. Мятежные воины остановились; многіе изъ нихъ заплакали; клялись, что

готовы умереть, и не возвратиться безъ побѣды. «Восклицайте же братія: *Сергій!* и узрите славу Божію!» говорилъ имъ Авраамій. Съ крикомъ: *Сергій! Сергій!* воины устремились на врага. Еще бóльшую толпу войска Авраамій встрѣтилъ на берегу Москвы рѣки, въ Садовникахъ. Его слова, его слезы были краснорѣчивы. «Поспѣшимъ, братія, пострадать за имя Божіе и православную вѣру!» воскликнули всѣ и кинулись поспѣшно въ новый бой. Услыша кликъ—*Сергій! Сергій!* толпы, стоявшія уже за Москвою рѣкою, у церкви Св. Никиты на Горѣ, бросились за товарищами, не дожидаясь Авраамія, и спѣшили вплавь и чрезъ мостъ. «Сергій! Сергій!» восклицалъ только Авраамій, съ радостью видя поспѣшное обращеніе всего войска, «Сергій!» гремѣло ему въ отвѣтъ. Авраамій, едва не смятый на лавахъ, устроенныхъ черезъ рѣку, перешелъ въ самые таборы Трубецкаго, и нашелъ тамъ множество во-

иновъ, — одни отдыхали, другіе пѣли, иные играли въ зернь. Сѣдовласый инокъ казался имъ совѣстью упрекающею. Ударили въ набатъ; весь таборъ поднялся, крикъ—*Сергій! Сергій!* раздался повсюду. Тогда начался бой рѣшительный, и ничто не могло устоять. Еще Хоткѣвичъ, не щадя себя, удерживалъ поле, одушевлялъ своимъ примѣромъ, но Мининъ рѣшилъ побѣду! Во все время битвы онъ стоялъ подлѣ Пожарскаго, и самъ сражался неутомимо, безстрашно. Видя неожиданное спасеніе отъ помощи Трубецкаго, Мининъ просилъ дать ему отрядъ отдѣльный. «Бери кого хочешь!» отвѣчалъ Пожарскій. Мининъ взялъ три конныя дворянскія роты, съ ротмистромъ Хмѣлевскимъ, перешелъ съ ними за Москву рѣку, и съ Остоженки ударилъ быстро на Крымскій бродъ. Непріятель, стоявшій тутъ, думалъ, что пришла новая помощь, и побѣжалъ. Пожарскій отъ стороны Кремля, Трубец-

кой отъ Таганки, Мининъ отъ Крымскаго брода, шли среди смятенія и пальбы, восклицая: *Сергій! Сергій!* — все пало все предалось бѣгству предъ ними. Хоткѣвичъ ускакалъ посиѣшно, и велѣлъ собираться на Воробьевыхъ горахъ; пушки, обозы, знамена польскія достались побѣдителямъ. Въ бѣшенствѣ битвы, воины хотѣли гнаться за врагами, но приближалась ночь. «Въ одинъ день не бывать двухъ радостей!» — сказали вожди, останавливая воиновъ, и только велѣли палить изъ пушекъ. Гетманъ слышалъ пальбу, не смѣлъ дожидаться нападенія, и въ ночь пустился по Смоленской дорогѣ. На другой день не было слѣда вражескаго близъ Москвы.

Такъ окончилась битва 24-го августа 1612 года, предсказавшая спасеніе Россіи; такъ грамоты Авраамія, голосъ Минина, добродѣтели князя Пожарскаго и мечи храбрыхъ дружинъ избавили цар-

ство русское отъ власти царей иноплеменныхъ!

Но этимъ еще не кончилось. Поляки оставались въ Китаѣ-городѣ и Кремлѣ. Въ это же время, славное удачными побѣдами, между князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ произошло несогласіе. По къ-счастію будущаго благополучія Россіи, былъ еще живъ незабвенный въ исторіи и сердцахъ русскихъ—Авраамій Палицынъ. Онъ помирилъ враждовавшихъ князей и возстановилъ согласіе.—Но когда пронесся слухъ о походѣ короля польскаго, Сигизмунда, подъ Москву, вожди Русскихъ взяли предосторожность. По ихъ приказанію былъ выкопанъ большой ровъ и сдѣланъ плетень вокругъ города и по берегамъ Москвы рѣки Осажденные Поляки въ Китаѣ-городѣ и Кремлѣ почувствовали во всемъ недостатокъ. Они страдали отъ голода, питались нечистыми жи-

вотными, пожирали человѣческіе трупы, но терпѣливо переносили все — и защищались. При всемъ упорствѣ Поляковъ, Китай-городъ былъ взятъ приступомъ; непріятели, предавшіеся бѣгству, ушли въ Кремль, гдѣ отъ ихъ прибытія, увеличился голодъ и недостатокъ. Всѣмъ грозила смерть. Польскій начальникъ Кремля, *Струся*, для избѣжанія голода, велѣлъ многимъ жителямъ Кремля, а въ томъ числѣ и плѣннымъ русскимъ боярамъ, выпустить изъ онаго своихъ женъ. Повелѣніе непріятное, но повиноваться должно. Долго не знали, куда ихъ отправить, наконецъ рѣшились выпустить въ станъ князя Пожарскаго и Минина. Было послано прошеніе, въ которомъ просили о защитѣ женамъ и о сохраненіи ихъ отъ позора. Пожарскій согласился на все. Онъ ласково принялъ женъ бояръ въ своемъ станѣ и даже опредѣлилъ приличное содержаніе. Но осажденные не получили

пользы и черезъ это. Голодъ не уменьшался. Многіе изъ Поляковъ начали думать о сдачѣ Кремля. Былъ составленъ совѣтъ, было положено сдаться Пожарскому и просить его о пощадѣ, а въ станъ къ Трубецкому не ходить. Неистовые, буйные казаки князя Трубецкаго, узнавъ, что Поляки намѣрены сдаться, рѣшились было напасть на полки князя Димитрія Михайловича. Благоразуміе Пожарскаго укротило все. Вышедшіе изъ Кремля бояре были приняты имъ съ честію. Это было 21-го октября.

Наконецъ наступилъ незабвенный день въ лѣтописяхъ нашего любезнаго отечества. Каждый Русскій долженъ знать, помнить его какъ и другіе дни, какъ и день своего рожденія. Этотъ достопамятный день есть 22-го октября 1612 года. Едва взошло только солнце, Поляки вышли двумя толпами изъ Кремля. Сіи несчастные были въ ужасномъ состояніи:

блѣдные, изнуренные голодомъ, они походили болѣе на привидѣнія, или мертвецовъ, вышедшихъ изъ гробовъ, нежели на людей живыхъ. Великодушіе князя Пожарскаго было видно вездѣ. Часть гарнизона, вышедшая изъ Кремля подъ командою пана *Будилы*, была встрѣчена Пожарскимъ, какъ воиномъ человѣколюбивымъ. Этимъ людямъ, бывшимъ наканунѣ нашими врагами, князь Димитрій Михайловичъ доставилъ всякое облегченіе и отраду. Но не та участь постигла Поляковъ, вышедшихъ подъ командою Полковника *Струси*, на сторону князя Трубецкаго. Буйные казаки многихъ изъ нихъ убили, а оставшихся въ живыхъ грабили. Но опустимъ завѣсу на неистовства казаковъ, и съ живымъ, радостнымъ трепетомъ сердца упомянемъ о слѣдующемъ:

Войско князя Димитрія Михайловича стройными рядами, предшествуемое святымъ

Троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, келаремъ Авраміемъ Палицынымъ и другимъ разнымъ духовенствомъ, вступило Фроловскими, а нынѣ Спасскими воротами, во внутренность кремля — этого жилища царей русскихъ, — этого вертограда всего святаго, великаго и этого нѣмаго свидѣтеля всѣхъ ужасовъ, постигавшихъ Россію, а также свидѣтеля и всего ея счастія, благополучія, благоденствія во времена царей великихъ, благословенныхъ, мудрыхъ!... Впереди нижегородскаго ополченія, стяжавшаго безсмертную, неувядаемую славу, ѣхалъ верховный вождь, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. На его величественномъ, воинственномъ, но вмѣстѣ добродѣтельномъ, кроткомъ челѣ и въ его пріятныхъ, голубыхъ очахъ, устремленныхъ на древнія, всѣми чтимыя святыни Кремля, видна была неподкупная радость. Его взоры были свѣтлы, ясны. По правую сторону

князя Пожарскаго ѣхалъ князь Черкаскій, а по лѣвую—гражданинъ Козьма Минычъ Сухорукій — этотъ избранный отъ всея земли русскія человѣкъ, князь Димитрій Петровичъ Пожарскій-Лопата, Бояринъ Мансуровъ, и другіе бояре русскіе. Побѣдители Поляковъ и избавители царства русскаго были встрѣчены у самыхъ Спаскихъ воротъ *Авраамiемъ*, епископомъ Галасунскимъ, съ иконою Владимірскія Божія Матери. За войскомъ, безчисленными толпами, не покрывая головъ и съ слезами на лицахъ, впрочемъ, сквозь которыя была видна радость,—шелъ народъ.

«Слава Богу и Пресвятой Богородицѣ, наступили для насъ дни счастливые, избавились мы, православные, этихъ нехристей!» говорилъ кто-то, идя въ толпѣ, и набожно крестясь.

«Да, братъ, Яковъ Терентьевичъ», отвѣчалъ другой купецъ: «если бы не князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій и не Козьма Миньчъ Сухорукій, такъ пришлось бы намъ хоть волками выть. Эти бусурманы ужь доняли бы насъ!»

«Никто, какъ Богъ!» говорилъ Яковъ Терентьевичъ: «Онъ послалъ и Козьму Миньча, Онъ же и помогъ храбрымъ воинамъ. Теперь остается только одно: имѣть Россіи главу!»

«Что правда, почтенный, то правда твоя!» сказалъ кто-то въ толпѣ: «а то и ни вѣсть что можетъ быть опять. Пожалуй, Ляхи и еще вздумаютъ препожаловать къ намъ погостить, а тогда потѣшатся ужъ не такъ!»

«Экъ ты, любезный, что вздумалъ городить! а развѣ ты позабылъ, что мы имѣемъ и князя Пожарскаго и Козьму Минычa? Нѣтъ, этого ужъ не бывать!» говорилъ Яковъ Терентьевичъ.

Кремль наполнился народомъ. Раздался благовѣстъ на колоссѣ Москвы — Иванѣ Великомъ. Въ сердцѣ каждаго Русскаго внятно отозвался онъ — какъ что-то близкое, родное! Каждый ударъ, каждый звукъ колокола внятно говорилъ: «прошли дни бѣдствія, бриближаются дни радости! скоро царство русское вздохнетъ полнымъ сердцемъ, скоро на престолѣ своемъ увидитъ предтечу своего благоденствія! » — Благовѣстъ продолжался; храброе нижегородское ополченіе построилось вокругъ царскихъ теремовъ. Діонисій, Палицынъ съ другимъ духовенствомъ, а также

воеводы, бояре и граждане вошли въ Успенскій соборъ. Началось благодарственное молебствіе; усердно молились колѣнопреклоненные Россіяне. Наконецъ, хвалебное, истинно-русское: «*Тебе Бога хвалимъ, Тебе небеснаго исповѣдуемъ!*» громко огласило своды святыни, построенной святымъ россійскимъ митрополитомъ Петромъ, и раздалось въ стѣнахъ древняго, священнаго Кремля, гдѣ не за долго предъ этимъ достопамятнымъ днемъ раздавались сначала крики, а потомъ стоны враговъ Россіи, отъ постигавшаго ихъ голода.

Но и въ это торжественное время можно было также видѣть недоброжелателей тишины, спокойствія и мира. Это были казаки Трубецкаго. Они безпорядочными толпами не входили, но врывались въ Кремль, какъ непріятели, воро-

тами Троицкими и Боровицкими, и если бы не боялись Парскаго и бывшаго тутъ нижегородскаго ополченія, то рѣшились бы грабить чертоги царей, Грановитую Палату и домы боярскіе.

Хотя Москва была очищена отъ Поляковъ, но еще въ царствѣ русскомъ не было спокойствія повсѣмѣстнаго, еще не наступила для Россіи минута ея *возрожденія*... Сигизмундъ шелъ съ войскомъ къ Москвѣ; онъ предполагалъ, что столица царства русскаго еще занята Поляками. Князь Пожарскій принялъ всѣ нужныя мѣры. Были разосланы въ разные города грамоты. Въ нихъ извѣщали о новой опасности Россіи. Между-тѣмъ Сигизмундъ приступилъ съ своими войсками къ городу Волоколамску, котораго отчаянная защита доказала, что Поляки вторично не усиѣютъ обольстить Русскихъ. Отъ Волоколамска король польскій послалъ съ частію войска въ Москву сына, бывшаго гетмана Жолкѣвскаго; но Россіяне его разбили. Ко всему этому для Поляковъ присовокупилась жестокость зимы и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Сигизмундъ предался бѣгству. Такъ избавилась

Россія отъ одного внѣшняго непріятеля Но остался еще другой. Это былъ шведскій король, Густавъ Адольфъ, сынъ и преемникъ престола послѣ Карла IX. Онъ, казалось, не столько желалъ видѣть брата своего, Филиппа, на престолѣ царства русскаго, сколько присоединить къ своимъ владѣніямъ область Новогородскую. Къ этимъ несчастіямъ, каковыя Россія начинала видѣть отъ непріятелей внѣшнихъ, надобно присоединить несчастія, наносимыя ей врагомъ внутреннимъ—Заруцкимъ. Онъ изъ Михайлова перебрался къ Переяславлю-Залѣсскому, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ овладѣть этимъ городомъ. Воевода Бутурлинъ разбилъ Заруцкаго, и тѣмъ не далъ исполниться намѣренію этого злодѣя. Заруцкій вмѣстѣ съ Мариною убѣжалъ въ Украйну.

При всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, постигавшихъ Россію, она опасалась еще но-

выхъ, почему рѣшилась спасти себя. Но какое вѣрное, надежное средство она могла употребить къ этому, какъ не одно самое спасительное самое благодѣтельное избрать царя. Что другое, какъ ни это, можетъ доставить, водворить спокойствіе? Подъ правленіемъ царей, избранныхъ Богомъ посредствомъ народа государство есть тѣло твердое, незыблемое, недѣлимое. Россія тогда еще хорошо помнила время гибельнаго междоцарствія: всѣ распри, смуты бояръ у ней были въ свѣжей памяти, и хотя спасители отечества—Палицынъ, Мининъ и Пожарскій; освободили Москву отъ неистовыхъ Поляковъ, но царство русское все еще не было спокойно. Оно имѣло нужду въ правителѣ; народъ требовалъ государя. Это заставило думать о избраніи царя. По сему случаю по всему государству были разосланы грамоты, коими приглашали изъ всѣхъ городовъ знатнѣйшее духовенство и бояръ для совѣщанія

о такомъ важномъ дѣлѣ. По принесеніи моленія Всевышнему и по выдержаніи трехдневнаго всеобщаго поста—приступили къ избранію царя. Долго присланные повѣренные колебались въ выборѣ; многіе честолюбивые бояре происками, коварствомъ и насиліемъ старались захватить бразды правленія. Впрочемъ, въ совѣтѣ о избраніи царя было положено: *не возлагать вѣнца Мономахова на главу иноплеменника; но украсить онымъ знатнѣйшаго Россіянина.* Здѣсь нельзя не упомянуть о великости души князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Говоритъ преданіе, что весьма многіе изъ благодарныхъ Россіянъ предлагали Пожарскому престолъ царства русскаго, но онъ не только отрекся отъ престола, на который возводила его всеобщая любовь и благодарность, но вмѣстѣ съ этимъ, при помощи Авраамія Палицына, направилъ умы народа къ избранію царемъ Россіи юнаго *Михаила Ѳео-*

доровича Романова, какъ близкаго родственника изъ дома Рюрикова, коего высокій санъ не могъ оскорбить гордости бояръ, и который не имѣлъ участія въ смятеніяхъ. Эта мысль скоро, подобно быстрому потоку, разлилась по Москвѣ, согласила умы и водворила единомысліе....

Сдѣлаемъ отступленіе и упомянемъ, сколько позволяютъ предѣлы сказанія, о шестнадцатилѣтнемъ Михаилѣ, и о его знаменитыхъ родителяхъ.

Видно изъ лѣтописей, что сынъ Іоанна IV Грознаго, Ѳеодоръ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ быть преемникомъ престола Ѳеодору Никитичу Романову, какъ близкому родственнику по женскому колѣну; но когда Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ присвоилъ себѣ царскую власть, то и обратилъ гоненіе на эту знаменитую и вмѣстѣ несчастную фамилію. Сначала, въ 1602-мъ году, Годуновъ развелъ Ѳео-

дора Никитича съ его супругою *Ксеніею Ивановною*, изъ фамиліи *Шестовыхъ*, а по сказанію другихъ, княжною Сицкою, и принудилъ обоихъ принять монашеское званіе, дабы такимъ-образомъ лишить ихъ всей надежды къ вступленію на престолъ царскій. Ѳеодоръ Никитичъ, нареченный, при постриженіи, *Филаретомъ*, посланъ на жительство въ Сейскій Антоніевъ монастырь, находящійся въ Архангельской губерніи, а его супруга, подъ именемъ *Марѳы*, сослана, вмѣстѣ съ ея малолѣтнымъ сыномъ Михаиломъ, коему было тогда около шести лѣтъ, въ Челмужскую область, находившуюся по ту сторону озера *Онеги*, и отдана подъ присмотръ приходскаго священника. Этотъ священникъ, по фамиліи *Ключаревъ*, помогалъ имъ во всѣхъ нуждахъ (12).

Увеличившіяся бѣдствія Россіи, черезъ появленіе Лжедимитрія, принудили Го-

дунова облегчить участь *Романовыхъ*— какъ своихъ родственниковъ; но тайною причиною таковаго поступка было его собственное опасеніе, дабы гоненіемъ этой фамиліи не умножить къ себѣ ненависти народной, и—что еще вѣроятнѣе,—дабы возложеніемъ на Филарета Никитича вмѣстѣ съ монашествомъ сана священническаго, преградить ему совершенно путь къ царскому престолу. По этому самому, хитрый Годуновъ повелѣлъ, въ 1605-мъ году, посвятить Филарета сначала въ іеромонахи, а потомъ въ архимандриты. Въ 1606-мъ году, уже въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, Филаретъ хиротонисанъ святѣйшимъ патріархомъ Гермогеномъ въ митрополита Ростовской Епархіи. Его супругѣ, инокинѣ, *для жительства съ ея сыномъ* Михаиломъ назначенъ Ипатіевскій монастырь (15); но какъ этотъ монастырь былъ мужескій, то видно изъ преданія, что она имѣла свое пребываніе

въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ, а въ монастырь Ипатіевскій перешла для безопасности отъ нашествія Поляковъ.

Всеобщее совѣщаніе о избраніи Михаила Өеодоровича, сына Өеодора (Филарета) Никитича и двоюроднаго внука первой супруги Іоанна IV Васильевича Грознаго, Анастасіи Романовны — на царство Россіи происходило 21-го февраля 1613 года, на Лобномъ мѣстѣ. Слова князя Пожарскаго произвели зрѣлище неизъяснимое. Всѣ кричали: *Михаилъ да будетъ царемъ нашимъ!* Во всю ночь происходили по соборамъ молебствія. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Россіянъ вездѣ видна вѣра! Послѣ всего этого была боярами сочинена во всѣ города Россіи извѣстительная грамота объ единодушномъ избраніи Михаила Өеодоровича Романова царемъ Россіи. Къ юному монарху, жившему тогда съ родительницею своею, инокинею Маоѳою Іоанновною, съ Костромѣ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ, было назначено посольство. Его составляли: *Өеодоритъ*, архіепископъ Рязанскій, *Авраамій Палицынъ*, келарь

Троицкаго монастыря, бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ *Шереметевъ* и многіе бояре.

Но въ это самое время, какъ готовилось посольство, юному Михаилу угрожало несчастіе, которое едва не ввергнуло Россію въ новыя, ужасныя бѣдствія.

Злобные Поляки, а съ ними вмѣстѣ и Литовцы, разорявшіе Россію, узнавъ объ избраніи Михайла Ѳеодоровича въ Москвѣ на царство, вознамѣрились умертвить его. Они послали сильный отрядъ въ Костромской уѣздъ, въ вотчины Романовыхъ, гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе. Время было ненастное, холодное, начинало смеркаться. Враги не далеко отъ села *Домнина* (14), гдѣ тогда былъ избранный царь, встрѣтили крестьянина *Ивана Сусанина*, имя котораго должно быть извѣстно и самому отдаленному потомству. Они, узнавъ, что попавшійся

крестьянинъ изъ ближней деревни *Деревнищъ* (15) и что ему извѣстна дорога до барскаго помѣстья, приказывали ему ихъ проводить туда. Незабвенный Сусанинъ угадываетъ коварный умыселъ Поляковъ, и съ радостію согласился выполнить ихъ желаніе. Но онъ повелъ ихъ въ противную сторону, и показавъ, что сбился съ дороги, далъ знать въ Домнино Михаилу о предстоящей ему опасности (16), а самъ блуждалъ со врагами по густымъ лѣсамъ и глубокимъ снѣгамъ, увѣряя, что это есть ближайшій путь. Однако Поляки начали проводника своего подозрѣвать въ обманѣ. Они грозили ему смертію, обольщали наградами, наконецъ ужаснымъ образомъ пытали; но Сусанинъ оставался твердъ въ намѣреніи своемъ и непоколебимъ въ усердіи къ отечеству. Наконецъ, бывъ въ самой глубинѣ лѣса, онъ объявилъ своимъ мучителямъ, что обманулъ ихъ, разсчитывая по времени, что Миха-

илъ находился уже внѣ опасности. Злодѣи, не смѣя слѣдовать въ Кострому, отправились на *Бѣлоозеро*, а вѣрный Сусанинъ принялъ отъ рукъ ихъ, въ селѣ *Исуповѣ* (17), смерть.

Михаилъ Θеодоровичъ, не теряя времени, по полученіи извѣстія отъ Сусанина, окрестными дорогами уѣхалъ въ Ипатьевскій монастырь. Его родительница, инокиня Марθа Ивановна, уже находилась тамъ.—Такъ Само Провидѣніе спасло предтечу благоденствія Россіи!...

Наконецъ въ *Новое Селище*, находящееся противъ города Костромы на противоположномъ берегу Волги, прибыло отправленное изъ Москвы посольство. 14-го марта 1613 года оно, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ сопровожденіи великаго множества народа и, поднявъ чудотворныя иконы, принесенныя имъ изъ Москвы,

приняло крестный ходъ въ Ипатіевскую обитель.

Инокиня Марѳа Ивановна и юный шестнадцатилѣтній Михаилъ, не помышляя о томъ земномъ величіи, которое готовилось имъ черезъ блескъ престола Россіи, съ видимымъ христіанскимъ смиреніемъ вышли навстрѣчу священнаго шествія, и съ благоговѣніемъ приложились къ святымъ иконамъ. Невозможно изобразить того, что чувствовали Марѳа Ивановна и отрокъ Михаилъ, когда послы подали имъ свои грамоты и предъ алтаремъ Божіимъ провозгласили избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича *Романова*. Совершенное отреченіе отъ принятія престола было послѣдствіемъ сихъ первыхъ чувствъ. Тщетно архіепископъ Ѳеодоритъ и келарь Палицынъ употребляли убежденія духовнаго красноречія; тщетно бояринъ Шереметевъ

представлялъ бѣдствія, угрожающія отечеству отъ ихъ упорства! Мароа Ивановна и ея сынъ были непреклонны. Инокиня страшилась благословить своего сына, воспитаннаго въ уединеніи, на царство, при таковыхъ смутныхъ обстоятельствахъ, при таковомъ разореніи Россіи. Михаилъ чувствовалъ себя не въ силахъ поднять тяжкое бремя правленія, боялся своимъ согласіемъ вооружить бо̀льшее мщеніе Поляковъ. Что же оставалось наконецъ дѣлать посламъ?... Покорность и благоговѣніе инокини и Михаила были извѣстны каждому, почему архіепископъ Өеодоритъ, взявъ образъ Божіей Матери, написанный святымъ Петромъ, митрополитомъ россійскимъ, а келарь Палицынъ— великихъ россійскихъ чудотворцевъ, Петра, Алексія и Іоны, и, приближась къ Михаилу и его родительницѣ, говорили твердымъ голосомъ: «*Повинуйтесь волѣ Божіей и Пречистой Его Матери! сіи*

святыя иконы притекли повѣдать вамъ опредѣленіе ваше: не народомъ, а Имъ избраны вы на великое дѣло — Имъ умудритесь въ предстоящихъ трудахъ и подвигахъ (18). Марѳа Ивановна, послѣ словъ этихъ, не могла противиться болѣе. Она упала предъ образомъ Божіей Матери, подвела къ нему державнаго отрока, и съ глазами, полными слезъ, говорила: «*Буди святая воля Твоя, Владычица! въ Твои пречистыя руцѣ чадо свое предаю: настави его на путь истинный, на благо себѣ и отечеству* (18).

Въ эту же торжественную минуту на всѣхъ лицахъ просіяла радость; слезы печали обратились въ слезы веселія, горесть—въ неизъяснимый восторгъ.....

Обрадованный народъ тогда же провозгласилъ Михаила царемъ Россіи. Онъ послами былъ введенъ на великокняжеское

мѣсто, которое хранилось въ Ипатьевскомъ монастырѣ послѣ великаго князя Василія Дмитріевича, сына Дмитрія Іоанновича Донскаго, и принявъ царскій жезлъ, слушалъ на семъ мѣстѣ торжественное молебствіе.—Въ Москву были отправлены отъ пословъ гонцы съ извѣстіемъ объ успѣхѣ ихъ порученія, а въ память сего знаменитаго, достопамятнаго происшестія, случившагося 14-го марта, было установлено праздновать явленіе чудотворныя Ѳеодорскія иконы, которая находится въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ, и которой праздиество до сего совершалось 16 го августа. «Итакъ», говоритъ одинъ нашъ писатель, «судьба земли русской была предана въ руки Михаила Ѳеодоровича Романова, и Богъ благословилъ всѣ начинанія и дѣла царя благочестиваго.

19-го апрѣля 1613 года Михаилъ Ѳедоровичъ прибылъ въ первопрестоль-

ную столицу царства русскаго, и 1-го іюня, рукою Казанскаго митрополита *Ефрема*, торжественно былъ вѣнчанъ на царство. Цари русскіе богаты милостями и щедротами! Они умѣютъ оцѣнивать заслуги каждаго! Въ самый день вѣнчанія Михаила Θеодоровича на царство, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій былъ возведенъ въ санъ боярина, а Козьма Минычъ, имѣвшій до сего времени титло: «*избранный отъ всея земли русскія человѣкъ*», былъ почтенъ саномъ *думнаго дворянина* (20). Но Мининъ не участвовалъ въ Думѣ царской: онъ удалился въ Нижній-Новгородъ. Отъ царя ему опредѣлено было денежнаго оклада по 200 рублей въ годъ.—Но только четыре года, этотъ истинный сынъ отечества, этотъ его избавитель, пользовался милостями царя. Онъ скончался въ 1616 году, оплакиваемый добрыми согражданами. «И нескончаемая память Минина», говоритъ

нашъ одинъ извѣстный писатель, «пережила вѣка, перейдетъ въ потомство отдаленное, и звѣздою свѣтлою всегда засіяетъ надъ русскою землею, съ именами Пожарскаго и Авраамія!»

Тѣло Козьмы Миныча, по повелѣнію царя Михаила Θеодоровича, погребено въ Соборномъ Нижегородскомъ храмѣ Преображенія Господня. Тамъ погребенъ и сынъ Минина *Меθодій*. На вселенскихъ панихидахъ въ семъ древнемъ храмѣ донынѣ провозглашается ему и сыну его вѣчная память.

Прошло слишкомъ сто лѣтъ (1722), какъ Императоръ Петръ Великій, идя съ войсками своими черезъ Нижній-Новгородъ въ Персію, слушалъ литургію въ Преображенскомъ Соборѣ и по окончаніи оной спросилъ: «гдѣ погребенъ Козьма Мининъ?» Ему показали гробницу этого

знаменитаго гражданина. Великій преобразователь Россіи поклонился въ землю останкамъ мясника нижегородскаго, и потомъ, указавъ рукою на гробницу, монархъ сказалъ: «*Здѣсь лежитъ освободитель и избавитель Россіи!*» Какъ должны быть достопамятны эти слова, произнесенныя великимъ изъ царей!

Но обратимся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, болѣе всего старавшагося объ утвержденіи спокойствія и благоденствія въ своемъ государствѣ. Первое стараніе его было объ усмиреніи враговъ внѣшнихъ, почему противъ злодѣя Заруцкаго, находившагося тогда въ Астрахани, были приняты дѣятельнѣйшія мѣры. Воеводамъ князю Одоевскому и Тюфякину было дано повелѣніе преслѣдовать этого бунтовщика. Онъ былъ взятъ на одномъ острову рѣки Урала, а съ нимъ также распутная Мари-

на и ея сынъ. Всѣ они были приведены въ Москву, гдѣ Марина, заключенная въ темницу, кончила развратную свою жизнь, а Заруцкій—казненъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, усмиривъ враговъ внутреннихъ, долженъ былъ стараться объ истребленіи непріятелей внѣшнихъ. Это были Шведы и Поляки. Войска первыхъ осадили Поляковъ, и подъ предводительствомъ Делагардія продолжали злодѣйствовать въ области Новогородской. Но войско приходило въ ослабленіе, а ктому-же разстроенное состояніе государственныхъ доходовъ не дозволяло королю Густаву Адольфу продолжать войну съ Россіею. Онъ началъ склоняться къ миру, который былъ заключенъ въ 1617 году, въ деревнѣ *Столбовѣ*, находящейся близъ Тихвина, при южной части рѣки Сяси. Швеціи была уступлена

Ингерманландія и Карелія, а Россія удержала Новгородъ.

Михаилъ Θеодоровичъ послѣ этого мира могъ успѣшнѣе дѣйствовать противъ Поляковъ. Они, послѣ князей *Черкасскаго* и *Куракина*, были разбиты княземъ Пожарскимъ, вызваннымъ опять царемъ на поле славы. Пожарскій преслѣдовалъ повсюду *Лисовскаго*, но, къ-сожалѣнію, приключившаяся князю болѣзнь не допустила ему отмстить Лисовскому совершенно. Король польскій Сигизмундъ вознамѣрился наконецъ нанести рѣшительный ударъ Россіи. Онъ, подкрѣпляемый атаманомъ запорожскихъ казаковъ, *Согайдашнымъ*, и толпами разной необузданной вольницы, отправилъ сына своего Владислава съ многочисленнымъ войскомъ. Владиславъ вторгнулся въ Россію. Князь Пожарскій, едва избавившійся отъ болѣзни, явился подъ Калугою въ то самое время, когда

сынъ Сигизмунда шелъ къ Вязьмѣ; отряды Поляковъ, разсѣявшихся отъ Смоленска до Калуги, были повсюду разбиваемы отъ Смоленска до Калуги. Но королевичъ приближался къ Москвѣ. Князь Пожарскій сдѣлался опять боленъ въ Серпуховѣ, откуда отправился въ Москву, вѣроятно, для излѐченія, въ свой домъ, находившійся въ приходѣ Введенія Божіей Матери, что на Лубянкѣ, гдѣ на мѣстѣ онаго нынѣ домъ Бородиной. Съ этого времени мы не встрѣчаемъ болѣе въ нашей исторіи имени князя Пожарскаго.

О послѣдствіи войны Россіи съ Польшею скажемъ только то, что храбрость Россіянъ отразила Владислава. Онъ, послѣ сраженія при Бѣломъ озерѣ, обратился въ бѣгство. Сигизмундъ склонился на примиреніе съ Россіею, которое и было заключено въ 1618, въ деревнѣ *Думинѣ*,

или *Сѣтковѣ*, находящейся близъ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры. — Этотъ миръ былъ дарованъ Россіи какъ бы самимъ Богомъ. Онъ остановилъ потоки крови, а съ этимъ вмѣстѣ увеличилъ радость русскаго царя тѣмъ, что прибылъ въ Москву его родитель Филаретъ Никитичъ, бывъ заключенъ въ Варшавѣ девять лѣтъ. Онъ въ 1619 году, іюня 24-го, занялъ упраздненный престолъ патріаршій послѣ Гермогена.

Такъ протекли первые шесть лѣтъ царствованія царя Михаила Ѳеодоровича, родоначальника Царей изъ Дома Романовыхъ.

Предоставимъ исторіи говорить о Россіи, пришедшей въ цвѣтущее состояніе въ послѣдніе годы царствованія Михаила; пусть она запишетъ это на своихъ страницахъ и передастъ самому позднѣйшему потомству, а мы, упомянемъ еще нѣсколько словъ о князѣ Пожарскомъ.

Къ общему сожалѣнію каждаго Русскаго, послѣдніе годы жизни князя Димитрія Михайловича Пожарскаго не извѣстны. Думаютъ, что этотъ истинный герой, посвятившій жизнь свою отечеству, провелъ оные въ своемъ помѣстьѣ, находящемся близъ Нижняго Новгорода, откуда былъ вызванъ на защиту погибавшей Россіи. Онъ скончался въ 1642 году.

Многіе писали о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ знаменитаго князя Пожарскаго, но до-сихъ-поръ еще не знаютъ достовѣрно, гдѣ сокрытъ оный, а это самое не позволяетъ многимъ изъ Россіянъ пролить слезы благодарности на могилѣ этого героя, этого спасителя и защитника Россіи. Какую бы принесъ пользу и сколько бы получилъ благодарности отъ современниковъ и потомства тотъ, кто бы открылъ и показалъ, со всею достовѣрностію, могилу князя Пожарскаго! Каж-

дый Русскій, любящій Россію, (а кто изъ насъ не любитъ своего отечества?) тогда пришелъ бы поклониться останкамъ доблестнаго князя Пожарскаго....

Александръ Благословенный, достойный потомокъ Михаила Θеодоровича, повелѣлъ воздать должную дань памяти подвигамъ Минина и Пожарскаго. Побѣдитель Запада, Императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ въ честь этихъ героевъ соорудить памятникъ и поставить оный въ древней столицѣ Россіи— Москвѣ на Красной площади. Знаменитый русскій художникъ, г. *Мартосъ*, сдѣлалъ памятникъ этотъ, и нашъ же русскій, г. *Екимовъ*, отлилъ сдѣланныя фигуры.

Такъ наконецъ Москва увидѣла изображенія своихъ избавителей и со слезами умиленія прочла на подножіи памятника слова: «*Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія!*»

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. Истор. Г. Р. *Карамзина*. Т. I.

2. Нынѣ тѣла Годуновыхъ лежатъ въ Св. Троицкой Сергіевской Лаврѣ.

3. Исторія Г. Р. *Карамзина*. Т. XII.
4. Такъ былъ прозванъ этотъ Самозванецъ.

5. См. Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, соч. *Авраамія Палицына*, гл. VI. стр. 41, 42.

6. Ист. Г. Р. *Карамзина*. Т. XII.

7. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, соч. митрополита *Евгенія*, 2 ч. 1827.

8 Истор. Статист. и Географ. Журналъ 1824 г.

9. Палашъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго и сабля кн. Пожарскаго въ серебряныхъ оправахъ съ каменьями даны вкладу и память въ Соловецкомъ монастырѣ.

10. Московскій Наблюдатель, журналъ 1835 г.

11. Къ Коринѳ 1 пос. св. ап. Павла. Гл. 1. ст. 27, 28.

12. Михаилъ Ѳеодоровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, пожаловалъ Ключареву въ вѣчное владѣніе Челмужскую область, въ которой считалось до 150 душъ. Потомки Ключарева именуются донынѣ *обълеишыми* помѣщиками, а волость, которая состоитъ теперь въ Олонецкой губерніи,

обильно, ибо жалованными грамотами освобождена она навсегда отъ всѣхъ податей, работъ и рекрутства.

13. Ипатіевскій монастырь лежитъ на берегу р. Костромы. Его основателемъ былъ князь *Четъ*, бѣжавши въ Россію въ 1330 году, изъ *Золотой Орды*.

14 *Домнино* съ деревнями нынѣ состоитъ Костромской губ. въ Буевскомъ уѣздѣ. Оно выстроено на горѣ, на правой сторонѣ р. *Шачи*, впадающей въ Кострому.

15. Деревня *Деревнища* расположена на р. Корбѣ, впадающей въ рѣчку Шачу; отъ Домнино въ 3-хъ верст.

16. Историческое.

17. Село Исупово отъ Домнино въ 10 вер.

18. Точныя слова одной лѣтописи.

19. Историческое.

20. Такъ называлось тогда особенное званіе людей, допускаемыхъ въ Думу царскую не по роду, не по званію, но по уваженію царя. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было думныхъ дворянъ только двое: *Гаврила Григорьевичъ* Пушкинъ и *Козьма Мининъ*.

2007099101